

ДЖОН ГРИШЭМ

ПРОТИВНИКИ

#1 NEW YORK TIMES BESTSELLER

Гришэм: лучшие детективы

Джон Гришэм

Противники

«Издательство АСТ»

2011

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Гришэм Д.

Противники / Д. Гришэм — «Издательство АСТ»,
2011 — (Гришэм: лучшие детективы)

ISBN 978-5-17-132965-5

Лекарство-убийца! Оно уже погубило нескольких человек и многих превратило в инвалидов. Маленькая юридическая фирма «Финли энд Фигг». Здесь поставят на карту все, чтобы выиграть дело против компании, выбросившей на рынок смертельно опасный препарат. Молодой юрист Дэвид Зинк. Он молод, амбициозен и готов вступить в бой с могущественным противником...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-132965-5

© Гришэм Д., 2011
© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	39
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	53
Глава 11	59
Глава 12	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Джон Гришэм Противники

John Grisham
THE LITIGATORS

© Belfry Holdings, Inc, 2011

© Перевод. Е.И. Филиппова, 2012

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Глава 1

Юридическая фирма «Финли энд Фигг» часто представляла себя как «фирму-бутик». Этот искаженный вариант названия с завидной частотой употреблялся в обычной речи и даже появлялся в печати вследствие разнообразных махинаций, придуманных партнерами в целях развития бизнеса. Под этим названием подразумевалось, что фирма «Финли энд Фигг» возвышалась над уровнем скучной среднестатистической деятельности. Бутик мал, исключителен и специализируется в какой-то одной области. Бутик отличается высоким классом и роскошью, воплощая в себе всю «французскость» этого слова. Хозяева бутика вполне довольны его эксклюзивностью, рачительностью в работе и успешностью.

На деле же, кроме размера, ничего общего у фирмы с бутиком не было. Обманщики «Финли энд Фигг» занимались делами по возмещению ущерба – рутинной работой, которая, не требуя ни большого мастерства, ни творческого подхода, никогда не считалась в среде юристов классной или престижной. Доход у них был такой же эфемерный, как и статус. Фирма оставалась маленькой, потому партнеры не могли позволить себе расширять бизнес. Придирчивостью они отличались только потому, что никто не хотел там работать, включая самих владельцев. Расположение офиса наводило на мысли о монотонном существовании в низшей лиге. Соседство с вьетнамским массажным салоном слева и мастерской по ремонту газонокосилок справа позволяло даже не самому внимательному наблюдателю понять, что «Финли энд Фигг» не процветали. На противоположной стороне улицы располагалась другая «фирма-бутик» (ненавистные конкуренты), а за углом – еще множество юристов. На самом деле район кишел юристами; одни работали поодиночке, другие – в маленьких фирмах, третьи – в своих собственных маленьких бутиках.

«Ф энд Ф» обосновались на Престон-авеню – многолюдной улице со старыми одноэтажными домами, которые теперь переоборудовали и использовали для всякого рода коммерческой деятельности. Там были и розничные торговцы (винные магазины, химчистки, массажные салоны), и профессионалы в сфере обслуживания (юристы, стоматологи, ремонт газонокосилок), и кулинары (энчилада¹, пахлава и пицца навынос). Оскар Финли получил здание, выиграв судебный процесс двадцать лет назад. Не самый престижный адрес отчасти компенсировался удачным расположением. В двух шагах от них пересекались Престон, Бич и Тридцать восьмая улица, это гарантировало одну приличную аварию раз в неделю, а иногда и чаще. Годовые накладные расходы «Ф энд Ф» покрывались гонорарами за ведение дел по дорожно-транспортным происшествиям, которые фиксировались меньше чем в ста ярдах от них. Представители других юридических фирм, как «бутиков», так и всех прочих, часто рыскали поблизости в поисках дешевого бунгало, из которого их голодные юристы могли бы реально услышать визг шин и скрежет металла.

Поскольку в фирме состояли лишь два адвоката/партнера, разумеется, было необходимо кого-то назначить старшим, а кого-то – младшим. Старшим партнером был шестидесятидвухлетний Оскар Финли, оставшийся в живых после тридцати лет практики кулачного права, которое существует на жестоких улицах юго-западного Чикаго. Когда-то Оскар был участковым полицейским, но его отправили в отставку за любовь к проламыванию черепов. Он чуть не попал в тюрьму, но потом взялся за ум и поступил в колледж, а затем закончил юридический факультет в университете. Когда ни в одной юридической фирме его не захотели брать на работу, он занялся частной практикой и начал подавать в суд на всех, кто оказывался поблизости. Через тридцать два года ему с трудом верилось, что он потратил столько лет жизни

¹ Блюдо мексиканской кухни, представляющее собой тонкую лепешку из кукурузной муки, в которую завернута начинка. – *Здесь и далее примеч. пер.*

на суды по просроченным счетам дебиторов, мелкие аварии, случаи вроде «поскользнулся и упал» и разводы без обвинений². Он до сих пор состоял в браке с первой женой – жутчайшей женщиной, с которой каждый день мечтал развестись. Но не мог себе этого позволить. После тридцати двух лет юридической практики Оскар Финли в самом деле не мог позволить себе очень многого.

Младшим партнером (а Оскар имел склонность делать заявления вроде «я поручу это моему младшему партнеру», когда пытался произвести впечатление на судей и других юристов, особенно на потенциальных клиентов) был сорокапятилетний Уолли Фигг. Уолли воображал себя свирепым судебным юристом, и его хвастливые объявления обещали клиентам агрессивный подход в самых разных вариациях. «Мы сражаемся за ваши права!», и «Страховые компании нас боятся!», и «Мы говорим дело!». Такую рекламу можно было найти на скамейках в парке, в городских автобусах, программках футбольных школьных матчей и даже на телеграфных столбах, хотя это нарушало несколько постановлений. Зато партнеры не использовали два других важнейших средства рекламы – телевидение и рекламные щиты. Уолли и Оскар до сих пор спорили по этому поводу. Оскар отказывался тратить деньги – и первое, и второе стоило жутко дорого, – а Уолли не переставал надеяться, мечтая увидеть, как он сам, с лоснящимися волосами и улыбкой на лице, будет рассказывать по телевизору ужасы о страховых компаниях, обещая огромные компенсации всем пострадавшим, которым хватит ума набрать его бесплатный номер.

Хотя Оскар ни за что не стал бы тратиться и на рекламный щит, Уолли все же выбрал один. В шести кварталах от офиса, на углу Бич и Тридцать второй, высоко над дорогой, кишачей автомобилями, на крыше четырехэтажного жилого дома располагался самый великолепный рекламный щит всего центрального района Чикаго. Хотя сейчас там и красовалась реклама дешевого белья (весьма симпатичная, как признавал Уолли), он уже видел, как на щите разместят его фото и напишут название фирмы. Но Оскар все равно был против.

Уолли получил образование на юридическом факультете престижного Чикагского университета. Оскар – в уже закрывшемся заведении, где когда-то предлагались вечерние курсы. Оба три раза сдавали экзамен на право заниматься адвокатской практикой. На счету Уолли было четыре развода, Оскар мог об этом только мечтать. Уолли жаждал вести большое дело, крупный процесс, с гонораром, который исчисляется миллионами долларов. У Оскара было лишь два желания – получить развод и выйти на пенсию.

Как эти двое вообще решили стать партнерами и обосноваться в переоборудованном доме на Престон-авеню? Это уже совсем другая история. Как они до сих пор не задушили друг друга? Это до сих пор оставалось их тайной.

Секретарем у них работала Рошель Гибсон – крепкая темнокожая женщина с жизненной позицией и находчивостью, которые воспитала в ней улица, где прошло ее детство. Миз Гибсон трудилась на передовой: на ней был телефон, встреча и прием потенциальных клиентов, переступающих порог с надеждой, и раздраженных клиентов, убегающих в ярости, эпизодический набор текстов (хотя ее начальники уже поняли: если хочешь что-то напечатать, проще сделать это самостоятельно), собака фирмы, и, что самое важное, ей приходилось слушать постоянные перепалки Оскара и Уолли.

Много лет назад миз Гибсон пострадала в автомобильной аварии, произошедшей не по ее вине. Потом она решила разобраться с неприятностями с помощью юридической фирмы «Финли энд Фигг», хотя на самом деле не сама их выбрала. Через двадцать четыре часа после

² Развод в штате, имеющем либеральное бракоразводное законодательство, которое позволяет супругам разойтись без лишних формальностей и расходов.

аварии, оглушенная перкоцетом³, вся в шинах и гипсе, миз Гибсон, проснувшись, увидела перед собой довольное мясистое лицо адвоката Уолли Фигга, который навис над ее койкой. На нем был аквамаринный костюм медработника, а на шее красовался стетоскоп, и он мастерски изображал доктора. Уолли обманом заставил ее подписать договор юридического представительства, пообещал ей луну с неба и выскользнул из комнаты так же тихо, как проскользнул в нее, а потом с рвением взялся за дело. За вычетом налогов миз Гибсон получила 40 000 долларов, которые ее муж пропил и проиграл за пару недель, что привело к иску о расторжении брака, поданному Оскаром Финли. Он вел дело и о ее банкротстве. На миз Гибсон не произвел впечатление ни один из них, и она угрожала подать на обоих в суд за некомпетентность. Это обратило на себя их внимание (им приходилось сталкиваться с подобными исками), и они изо всех сил постарались успокоить ее. По мере того как ее беды множились, она проводила все больше времени в офисе, и постепенно все трое привыкли друг к другу.

В «Финли энд Фигг» секретарям жилось нелегко. Зарплата была низкой, клиенты по большей части – неприятными, юристы из сторонних фирм так и норовили нагрубить по телефону, рабочий день часто затягивался, но тяжелее всего давалось общение с двумя партнерами. Оскар и Уолли пробовали нанимать женщин среднего возраста, но дамы постарше не выдерживали напряжения. Они пытались нанимать молодых, но это обернулось иском о сексуальных домогательствах, когда Уолли не сдержался в присутствии грудастой молодой девицы. (Они договорились расстаться без суда в обмен на пятьдесят тысяч долларов, и их имена попали в газету.) Рошель Гибсон оказалась в офисе как-то утром, когда тогдашняя секретарша решила бросить все и шумно удалилась. Под звонки телефона и крики партнеров миз Гибсон подошла к столу в приемной и взяла ситуацию в свои руки, а потом заварила кофе. Она вернулась на следующий день, и через день тоже. Восемь лет спустя она так и продолжала работать на этом месте.

Двое ее сыновей сидели в тюрьме. Их интересы представлял Уолли, хотя, если говорить честно, никто не мог бы их спасти. Еще в подростковом возрасте оба мальчика не давали Уолли заскучать, ведь их беспрестанно арестовывали по разным обвинениям, связанным с наркотиками. Постепенно они все больше вовлекались в незаконные операции, и Уолли неоднократно предупреждал, что их ждет либо тюрьма, либо смерть. Он говорил то же самое и миз Гибсон, которая едва ли могла контролировать сыновей и часто молилась, чтобы дело кончилось тюрьмой. Когда их шайку по сбыту крэк-кокаина арестовали, мальчиков посадили на десять лет. Уолли добился сокращения изначального срока в двадцать лет, но мальчики не выразили ему признательности. Миз Гибсон же благодарила его, заливаясь слезами. Несмотря на все хлопоты, Уолли так и не взял с нее денег за помощь семье.

За эти годы в жизни миз Гибсон было много слез, и она часто проливала их в кабинете Уолли за закрытой дверью. Он давал советы и старался помогать по мере возможности, но главным образом играл роль внимательного слушателя. Жизнь самого Уолли тоже была богата событиями, так что они с миз Гибсон могли внезапно поменяться ролями. Когда два его последних брака разрушились, миз Гибсон все выслушала и постаралась ободрить его. Когда он начал пить, она тут же это заметила и не побоялась призвать его на путь истинный. Хотя они ругались каждый день, ссоры никогда не затягивались и часто служили лишь для того, чтобы обозначить сферы влияния каждого из них.

В «Финли энд Фигг» наступали и такие времена, когда все трое ворчали или хандрили, главным образом из-за денег. Рынок был просто перенасыщен: слишком много юристов слонялось без дела.

И меньше всего фирме был нужен один из них.

³ Обезболивающее средство.

Глава 2

Дэвид Зинк сошел с поезда «Эль» на станции Куинси в центре Чикаго и, шаркая, спустился по лестнице, ведущей на Уэллс-стрит, однако с его ногами было что-то не так. Они все сильнее наливались тяжестью, и шел он все медленнее и медленнее. Дэвид остановился на углу Уэллс и Адамс и опустил взгляд на свои туфли, чтобы понять, в чем дело. Ничего особенного он не увидел: обычные черные туфли на шнурках, подобные носят все юристы-мужчины в фирме и даже несколько женщин. Дышал он с трудом и, несмотря на прохладу, чувствовал, что вспотел. Ему был тридцать один год (слишком рано для сердечного приступа), и хотя Дэвид ощущал страшную усталость последние лет пять, научился с этим жить. Или так ему казалось. Дэвид завернул за угол и посмотрел на Траст-тауэр – блестящее сооружение, напоминающее фаллос, взмывало на тысячу футов в облака и туман. Когда Дэвид остановился и поднял голову, его пульс участился и он почувствовал тошноту. Прохожие задевали его, протискиваясь со всех сторон. Вместе с толпой он пересек Адамс и поплелся дальше.

В Траст-тауэр был высокий и просторный атриум, декорированный стеклом, мрамором и непостижимыми изваяниями, призванными вдохновлять и источать тепло, но на самом деле казавшимися холодными и отталкивающими, по крайней мере Дэвиду. Шесть расположенных крест-накрест эскалаторов везли орды усталых воинов наверх к их местам за перегородками и в отдельные кабинеты. Дэвид сделал над собой усилие, но ноги отказались нести его к эскалатору. Поэтому он сел на обитую кожей скамью подле кучи больших раскрашенных камней и попытался понять, что с ним происходит. Люди бежали мимо с угрюмыми лицами, пустыми глазами, уже изнемогая от напряжения, хотя на часах было всего 7.30 утра. Хмурый день только начинался.

«Щелчок» – это уж точно не медицинский термин. Специалисты используют более изысканные слова для описания того мгновения, когда истерзанный волнениями человек преступает грань. Тем не менее Щелчок – это переломный момент. Все может произойти за долю секунды вследствие какого-то невыносимо болезненного события. Еще это может случиться, когда сломается последняя соломинка в трагической кульминации напряжения, которое копилось и копилось, пока разум и тело не столкнулись с необходимостью дать ему выход. Щелчок Дэвида Зинка принадлежал ко второй категории. После пяти лет тяжелейшей работы в обществе ненавистных коллег что-то произошло с Дэвидом тем самым утром, когда он сидел у раскрашенных камней и смотрел, как хорошо одетые зомби едут наверх в преддверии очередного дня бесполезной работы. В нем что-то щелкнуло.

– Эй, Дэйв! Наверх поедешь? – послышался голос. Это был Ал из антитрестовского отдела.

Дэвид с трудом изобразил улыбку, кивнул и что-то пробормотал, потом встал и почему-то последовал за Алом. Ал остановился на ступеньке чуть выше, когда они оказались на эскалаторе, и заговорил о вчерашнем матче с участием «Блэкхоукс». Дэвид продолжал кивать, по мере того как они поднимались все выше. Под ним и за ним передвигались десятки одиноких фигур в темных пальто: молодые юристы ехали наверх со спокойным и мрачным видом, напоминая скорее носильщиков гробов на зимних похоронах. Дэвид и Ал присоединились к группе у стены с лифтами на первом уровне. Пока они ждали, Дэвид слушал болтовню о хоккее, но голова у него кружилась, и он опять ощутил тошноту. Затем они бросились к лифту и встали плечом к плечу с множеством других. Ал замолчал. Тишина. Никто не говорил, никто не смотрел никому в глаза.

Дэвид сказал себе: «Вот и все. Это моя последняя поездка на этом лифте. Клянусь».

Лифт закачался и зажужжал, потом остановился на восьмидесятом этаже, на территории «Рогана Ротберга». Три юриста вышли, Дэвид видел их раньше, но не знал поименно, что было

неудивительно, ведь в фирме работали шестьсот юристов на этажах с семидесятого по сотый. Еще два темных костюма вышли на восемьдесят четвертом. По мере того как они поднимались выше, Дэвид начал потеть, потом учащенно дышать. Его крошечный кабинет располагался на девяносто третьем этаже, и чем ближе он подбирался к нему, тем сильнее колотилось его сердце. Еще несколько торжественных выходов на девяностом и девяносто первом, и с каждой остановкой Дэвид чувствовал, что все больше слабеет.

Лишь трое остались в лифте к девяносто третьему этажу – Дэвид, Ал и крупная дама, которую за спиной называли «Перекошенная». Лифт остановился, мелодично прозвенел звонок, бесшумно открылась дверь, и Перекошенная вышла. Ал вышел. Дэвид не желал двигаться, на самом деле он и не мог двигаться. Прошло несколько секунд. Ал оглянулся и сказал:

– Эй, Дэйв! Нам пора, пойдем.

Никакого ответа от Дэвида, лишь пустой безразличный взгляд человека из другого мира. Двери начали закрываться, и Ал вставил между ними портфель.

– Дэвид, ты нормально себя чувствуешь? – спросил Ал.

– Конечно, – пробормотал Дэвид, умудрившись все же шагнуть вперед. Двери плавно открылись, и снова прозвенел звонок. Он вышел из лифта и теперь нервно озирался, как будто никогда раньше тут не был. Вообще-то он ушел отсюда всего десять часов назад.

– Ты побледнел, – заметил Ал.

У Дэвида кружилась голова. Он слышал голос Ала, но не разбирал слов. Перекошенная стояла в паре футов от них и озадаченно тарасилась, словно наблюдала за автомобильной катастрофой. Лифт снова зазвонил, на этот раз по-другому, и двери начали закрываться. Ал сказал что-то еще, даже протянул руку, словно намереваясь помочь. Вдруг Дэвид обернулся, и его налитые свинцом ноги ожили. Он рванул к лифту и буквально запрыгнул в кабину, как раз перед тем, как закрылись двери. Последнее, что он услышал, был исполненный паники возглас Ала.

Когда лифт поехал вниз, Дэвид Зинк захохотал. Головокружение и тошнота прекратились. Давление в груди исчезло. Он сделал это! Он расстался с потогонной системой «Рогана Ротберга» и теперь прощался с этим кошмаром. Он, Дэвид Зинк, из тысяч несчастных юристов и младших партнеров в высоких зданиях центрального Чикаго, он, и только он один, в это мрачное утро нашел в себе смелость уйти. Дэвид сидел на полу в пустом лифте и с широкой ухмылкой наблюдал, как номера этажей стремительно меняются, мелькая красным от больших цифр к меньшим, пока он старался разобраться в своих мыслях. Люди: 1) его жена, брошенная женщина, которая хотела забеременеть, столкнулась с определенными трудностями, потому что ее муж слишком уставал, чтобы заниматься сексом; 2) его отец, выдающийся судья, который практически заставил его поступить на юридический факультет, и не куда-нибудь, а в Гарвард, потому что сам учился там же; а также 3) его дед, семейный тиран, который создал крупную фирму с нуля в Канзас-Сити и до сих пор вкалывал по десять часов в день, хотя ему было уже восемьдесят два года; и 4) Рой Бартон, старший партнер, его босс, придирчивый чудак, который вопил и ругался весь день и был, наверное, самым несчастным из всех, кого Дэвид Зинк когда-либо встречал. Подумав о Рое Бартоне, он засмеялся снова.

Лифт остановился на восьмидесятом этаже, и две секретарши хотели войти в кабину. Они на мгновение застыли, увидев Дэвида, сидевшего в углу рядом с дипломатом. Осторожно они перешагнули через его ноги и подождали, пока закроются двери.

– У вас все нормально? – спросила одна.

– Все отлично, – ответил Дэвид. – А у вас?

Ответа не последовало. Во время быстрого спуска секретарши стояли неподвижно и молчали, а на семьдесят седьмом поспешно ретировались. Когда Дэвид снова остался один, его вдруг охватило беспокойство. Вдруг за ним придут? Ал, несомненно, отправится напрямик к Рою Бартону и доложит, что Зинк спятил. Что сделает Бартон? В десять у него запланиро-

вана встреча с недовольным клиентом – генеральным директором и большой шишкой в одном лице. Позднее Дэвид пришел к выводу, что предстоящий «поединок» и послужил поводом к перемене курса и вызвал Щелчок. Рой Бартон был не только невыносимым занудой, но и трусом. Дэвид Зинк и остальные были нужны ему, чтобы спрятаться у них за спиной, когда войдет генеральный директор с длинным списком вполне обоснованных жалоб.

Возможно, Рой пришлет за ним кого-то из службы безопасности. Служба безопасности, как водится, представляла собой сборище стареющих охранников в форме, она действовала так же, как штатная шпионская организация, которая меняла замки, записывала все происходящее на видео, следила за всеми исподтишка и занималась всякой тайной деятельностью, призванной держать юристов в постоянном страхе. Дэвид вскочил, схватил портфель и с нетерпением уставился на мелькающие цифры. Лифт легонько трясся, проносясь сквозь сердцевину Траст-тауэр. Когда он остановился, Дэвид вышел и помчался к эскалаторам, которые до сих пор были перегружены унылыми людьми, молчаливо поднимавшимися вверх. Эскалаторы, идущие вниз, оказались пустыми, и Дэвид предпочел побежать. Кто-то окликнул его:

– Дэйв, куда ты?

Он улыбнулся и помахал в том направлении, откуда слышался голос, как будто у него все под контролем. Широким шагом миновав раскрашенные камни и нелепые скульптуры, пробрался к стеклянным дверям и вышел на улицу. Воздух показался приятным и влажным, а жуткие моменты, которые ему только что пришлось пережить, обещали стать началом чего-то нового.

Он сделал глубокий вдох и осмотрелся. Надо двигаться дальше. Он направился вперед по Лассалль-стрит, быстро, боясь оглянуться. «Не вызывай подозрений. Сохраняй спокойствие. Это один из важнейших дней в твоей жизни, – говорил он себе, – так что не испорти его». Он пока не мог пойти домой, потому что не был готов к выяснению отношений. Он не мог бродить по улицам, потому что неизбежно наткнулся бы на кого-то из знакомых. Где можно было ненадолго спрятаться, подумать, разобраться в мыслях, составить планы? Он проверил часы: 7.51 – идеальное время для завтрака. В конце аллеи Дэвид увидел мигающую красно-зеленую неоновую вывеску «У Абнера». Подойдя ближе, он так и не понял, кафе это или бар. У двери он бросил взгляд через плечо, удостоверился, что ребят из службы безопасности рядом нет, и вошел в теплый темный мир Абнера.

Это оказался бар. Отдельные кабины справа пустовали. Стулья стояли на столах вверх ножками в ожидании уборки. Абнер выглядел из-за длинной, хорошо отполированной барной стойки с самодовольной ухмылкой, словно хотел спросить: «Что вы здесь делаете?»

– Вы работаете? – спросил Дэвид.

– А дверь разве заперта? – парировал Абнер. На нем был белый фартук, и он вытирал пивную кружку. У него оказались толстые волосатые руки. И хотя на первый взгляд он не отличался приветливостью, у него было открытое лицо бывалого бармена, который уже все на свете слышал.

– Наверное, нет. – Дэвид медленно подошел к бару, бросил взгляд направо и в дальнем конце стойки увидел мужчину, который, судя по всему, отключился, хотя до сих пор держал стакан в руках.

Дэвид снял свое угольно-серое пальто и повесил на спинку барного стула. Он присел, посмотрел на ряды бутылок алкоголя, выстроенные перед ним, оглядел зеркала, и пивные краники, и дюжины стаканов, которые Абнер красиво расставил позади стойки, а когда окончательно освоился, спросил:

– Что порекомендуете до восьми утра?

Абнер посмотрел на мужчину, выглянув из-за стойки, и произнес:

– Как насчет кофе?

– Его я уже выпил. Завтрак у вас есть?

- Да, он называется «Кровавая Мэри».
- Давайте одну порцию.

Рошель Гибсон жила в субсидированной квартире вместе с матерью, одной из своих дочерей, двумя внуками, племянниками и племянницами, состав которых периодически менялся, а иногда даже с кузенами, нуждавшимися в крыше над головой. В попытках выбраться из этого хаоса она часто сбегала на работу, где временами было еще хуже, чем дома. Рошель приходила в офис каждый день около 7.30 утра, отпирала дверь, приносила с крыльца газеты для обоих партнеров, включала свет, настраивала термостат, готовила кофе и проверяла Эй-Си – собаку фирмы. Рошель что-то мурлыкала, а иногда даже тихо пела, занимаясь своими рутинными делами. Она никогда не призналась бы в этом ни одному из своих начальников, но гордилась должностью юридического секретаря, даже в таком месте, как «Финли энд Фигг». Когда ее спрашивали о работе или профессии, Рошель всегда сразу заявляла, что она «юридический секретарь». Не какой-нибудь примитивный секретарь, а юридический. То, чего миз Гибсон не хватало в образовании, она с лихвой возмещала за счет опыта. Восемь лет труда в фирме на оживленной улице позволили ей хорошо изучить закон, а еще лучше – юристов.

Эй-Си был дворнягой и жил в офисе, поскольку никто не хотел забирать его домой. Он принадлежал всем троим – Рошель, Оскару и Уолли в равных долях, хотя в действительности заботилась о нем Рошель. Он откуда-то сбежал и нашел приют в «Ф энд Ф» несколько лет назад. Весь день пес спал на маленькой подстилке возле Рошель, а всю ночь бродил по офису, охраняя его. Он более или менее подходил на роль сторожа и лаем отпугивал воров, вандалов, а порой даже разозленных клиентов.

Рошель покормила его и налила в миску воды. Из маленького холодильника она достала упаковку клубничного йогурта. Когда кофе был готов, она налила себе чашку и окинула взглядом стол – как всегда, безупречный порядок. Стол из хрома и стекла, массивный и внушительный, был первым, что видели клиенты, едва миновав главный вход. Кабинет Оскара был относительно аккуратным. А вот кабинет Уолли – настоящей свалкой. Но партнеры сидели за закрытыми дверями, а Рошель всегда находилась на всеобщем обозрении.

Она открыла «Сан таймс» и занялась первой страницей. Рошель читала медленно, потягивала кофе, ела йогурт, тихо напевая, пока Эй-Си храпел у нее за спиной. Рошель любила эти спокойные минуты раннего утра. Совсем скоро начнет разрываться от звонков телефон, появятся юристы, и потом, если им повезет, придут клиенты, одни по записи, другие – нет.

Чтобы быстрее расстаться с женой, Оскар Финли уходил из дома каждое утро в семь, но очень редко появлялся в офисе раньше девяти. Примерно два часа он путешествовал по городу: останавливался в полицейском участке, где кузен передавал ему отчет о происшествиях, заходил поздороваться с водителями эвакуаторов и раздобыть сведения о недавних авариях, распивал кофе с человеком, владевшим двумя не самыми дорогими похоронными бюро, отвозил пончики в пожарную часть, болтал с водителями службы «Скорой помощи» и периодически навещал в свои любимые больницы, где расхаживал по многолюдным коридорам, окидывая наметанным взглядом пациентов в поисках тех, кто получил травмы по чьей-то вине.

Оскар прибыл в девять. Уолли же, в жизни которого было куда меньше порядка, мог влететь в офис в 7.30, взбодрившись кофеином и «Ред буллом», и в такие дни он сумел бы засудить любого, кто перешел бы ему дорогу. Иной раз, впрочем, притаскивался в 11.00 с опухшими глазами и головной болью от похмелья и быстро прятался у себя в кабинете.

В этот судьбоносный день, однако, Уолли прибыл за несколько минут до восьми с широкой улыбкой и ясным взглядом.

- Доброе утро, миз Гибсон, – уверенно произнес он.

– Доброе утро, мистер Фигг, – ответила она в такой же манере. В «Финли энд Фигг» всегда царила напряженная атмосфера, ведь поводом для перепалки сотрудников фирмы мог послужить всего один неуместный или даже вполне безобидный комментарий. Слова подбирались тщательно и выслушивались с пристрастием. Обмен обычными утренними приветствиями также проводился с большой осторожностью, ибо они тоже могли перерасти в словесную баталию. Даже употребление слов «мистер» и «миз» было тщательно продумано и имело свою историю. Еще давно, когда Рошель была клиентом, Уолли имел глупость назвать ее «девушкой». Это звучало примерно так: «Послушайте, девушка, я делаю все, что в моих силах». Разумеется, он не хотел ее обидеть, и слишком бурная реакция Рошель в данном случае была неоправданна, но с тех пор она настаивала, чтобы к ней обращались как к «миз Гибсон».

Она слегка рассердилась, потому что ее уединение нарушили. Уолли поговорил с Эй-Си, почесал ему за ухом и, направившись за кофе, спросил:

– Что интересного пишут?

– Ничего, – ответила она, не желая обсуждать новости.

– Неудивительно, – произнес он, нанеся первый удар за день.

Она читала «Сан таймс». Он читал «Трибюн». Каждый полагал, что у его коллеги дурной вкус в том, что касается новостей.

Второй удар был нанесен позже, когда Уолли вынырнул из кабинета.

– Кто готовил кофе? – спросил он.

Она проигнорировала его вопрос.

– Он слабоват, вам не кажется?

Рошель медленно перевернула страницу, потом съела еще одну ложку йогурта.

Уолли шумно отхлебнул из кружки, причмокнул, нахмурился, как будто выпил уксуса, потом взял газету и уселся за стол. Прежде чем Оскар отвоевал здание в суде, кто-то снес несколько стен внизу у входа, создав тем самым открытое пространство. Рошель обосновалась с одной стороны, близ двери, а в паре футов от нее стояли кресла для клиентов и длинный стол, который когда-то использовался для ужина. Тут читали газеты, пили кофе, а иногда даже снимались показания. Уолли любил убивать за этим столом время, потому что его собственный кабинет напоминал свинарник.

Он распахнул «Трибюн», стараясь создать как можно больше шума. Рошель не обращала на него внимания и продолжала что-то увлеченно напевать себе под нос.

Прошло несколько минут, зазвонил телефон. Миз Гибсон, казалось, его не слышит. Раздался еще один звонок. После третьего Уолли опустил газету и поинтересовался:

– Вы возьмете трубку, миз Гибсон?

– Нет.

Телефон зазвонил в четвертый раз.

– Почему нет? – требовательно спросил он.

Она словно не слышала его. После пятого звонка Уолли отбросил газету, вскочил и направился к телефону, находившемуся на стене близ копировального аппарата.

– На вашем месте я бы не стала брать трубку, – заметила миз Гибсон.

Он остановился.

– И почему же?

– Это сотрудник коллекторского агентства.

– Откуда вы знаете? – Уолли уставился в телефон. На экране высветилось: «Номер не определен».

– Просто знаю. Он звонит в это время каждую неделю.

Телефон замолчал, и Уолли вернулся к столу и своей газете. Он спрятался за ней, недоумевая, какой из счетов они не оплатили и кто из поставщиков разозлился настолько, чтобы обратиться в агентство и надавить на адвокатов. Рошель, разумеется, знала кто, поскольку сле-

дила за бухгалтерией и знала почти все, но он предпочел ее не спрашивать. Если бы он спросил, то они вскоре заспорили бы о счетах, неоплаченных гонорарах и нехватке денег вообще, а это стремительно переросло бы в напряженную дискуссию о стратегии фирмы в целом, о ее будущем и недостатках партнеров.

Никто этого не хотел.

* * *

Абнер невероятно гордился своими «Кровавыми Мэри». Он использовал точно отмеренное количество томатного сока, водки, хрена, лимона, лайма, вустерского соуса, перца, соуса табаско и соли. Он всегда добавлял две зеленые оливки и украшал напиток стеблем сельдерея.

Давно уже Дэвид не наслаждался завтраком столь изысканным. После двух творений Абнера, которые Дэвид уничтожил довольно быстро, он глупо ухмыльнулся, преисполненный гордостью за свое решение взять и все бросить. Пьяный посетитель в конце барной стойки храпел. Больше тут никого не было. Абнер мыл и вытирал стаканы для коктейлей, проводил учет спиртного в баре и теребил пивные краники, выдавая комментарии на самые разные темы.

Телефон Дэвида наконец зазвонил. Это была его секретарь Лана.

– О Боже, – произнес он.

– Кто это? – спросил Абнер.

– С работы.

– Человек имеет право позавтракать, разве нет?

Дэвид ухмыльнулся еще раз и сказал:

– Аллю.

Лана спросила:

– Дэвид, где вы? Уже восемь тридцать.

– У меня есть часы, дорогая. Я завтракаю.

– С вами все в порядке? Ходят слухи, что в последний раз вас видели, когда вы заскакивали обратно в лифт.

– Это всего лишь сплетни... сплетни.

– Хорошо. Когда вы будете на месте? Рой Бартон уже звонил.

– Дайте мне закончить завтрак, ладно?

– Разумеется. Только не пропадайте.

Дэвид отложил телефон и начал с силой сосать коктейль через соломинку, потом объявил:

– Еще одну порцию.

Абнер нахмурился:

– Возможно, вам надо успокоиться.

– Я и успокаиваюсь.

– Ладно. – Абнер достал чистый стакан и начал смешивать ингредиенты. – Я так понимаю, сегодня вы на работу не собираетесь.

– Не собираюсь. Я бросил это дело. Ухожу.

– Что за работа?

– Юридическая фирма. «Роган Ротберг». Слышали о такой?

– Да. Большая компания, верно?

– Шестьсот юристов в местном отделении в Чикаго. Пара тысяч по всему миру. Сейчас находится на третьем месте в том, что касается размера, на пятом – в том, что касается количества часов, выставляемых по счету на одного юриста, на четвертом – в том, что касается чистых

прибылей на каждого партнера, на втором – в том, что касается сравнения зарплат младших юристов, и, несомненно, на первом – в том, что касается количества ослов на квадратный фут.

– Извините, что спросил.

Дэвид взял телефон и спросил:

– Видите этот телефон?

– Думаете, я слепой?

– Эта вещица управляла моей жизнью последние пять лет. Я не мог никуда отправиться без нее. Политика фирмы. Телефон со мной постоянно. Он портил приятный ужин в ресторане. Он вытаскивал меня из душа. Он будил меня ночью в самые разные часы. Однажды он даже помешал сексу с моей бедной женой, которую я и так забросил. Я был на игре «Кабс»⁴ прошлым летом, сидел на отличных местах с двумя друзьями из колледжа, и в самый напряженный момент второго иннинга эта штука начала вибрировать. Это был Рой Бартон. Я рассказывал вам о Рое Бартоне?

– Пока нет.

– Партнер, который мной командует, вредный маленький ублюдок. Сорок лет, извращенное эго. Подарок Бога клану юристов. Зарабатывает миллион баксов в год, но ему всегда мало. Работает по пятнадцать часов в день, семь дней в неделю, потому что в «Рогане Ротберге» все Большие люди работают без остановки. А Рой воображает себя действительно Большим человеком.

– Приятный парень, да?

– Я ненавижу его. Надеюсь, никогда больше не увижу его физиономию.

Абнер толкнул третью «Кровавую Мэри» через стойку и сказал:

– Похоже, вы на правильном пути, старина. Ваше здоровье!

⁴ Полное название – «Чикаго кабс», профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в высшей лиге.

Глава 3

Телефон опять зазвонил, и Рошель решила ответить.

– Юридическая фирма «Финли энд Фигг», – профессионально отрекомендовалась она. Уолли даже не оторвался от газеты. Секунду она послушала, потом сказала: – Простите, мы не занимаемся сделками в сфере недвижимости.

Когда Рошель заняла свою должность восемь лет назад, фирма на самом деле занималась сделками в сфере недвижимости. Однако вскоре Рошель поняла, что подобная работа плохо оплачивается и главным образом ложится на плечи секретаря, а юристы не особенно усердствуют. Как хорошая ученица, она решила, что сфера недвижимости ей не нравится. Контролируя входящие звонки, она тщательно фильтровала все обращения, и деятельность «Финли энд Фигг» в сфере недвижимости сошла на нет. Оскар бушевал, угрожая уволить ее, но дал обратный ход, когда Рошель вновь упомянула, что может засудить их за некомпетентность. Благодаря посредничеству Уолли установилось перемирие, но еще много недель обстановка была более напряженной, чем обычно.

И другие области применения знаний здешних юристов были отвергнуты благодаря ее тщательной фильтрации. Так, работа по уголовным делам тоже осталась в прошлом. Рошель это не нравилось, потому что ей не нравились клиенты. Дела о вождении автотранспорта под воздействием алкоголя или наркотиков считались нормальными, поскольку их было много, они хорошо оплачивались и почти не требовали ее участия. От банкротства отказались по той же причине, что и от недвижимости: жалкие гонорары и чрезмерная нагрузка на секретаря. За эти годы Рошель удалось существенно сузить сферу деятельности фирмы, и из-за этого до сих пор возникали проблемы. Согласно теории Оскара, из-за которой он сидел без денег почти тридцать лет, фирма должна была браться за все, что попадает им в руки, закидывая невод как можно шире, а потом пробираться сквозь дебри любых трудностей в надежде наткнуться на хорошее дело компенсации ущерба. Уолли считал иначе. Он мечтал о больших проектах. Хотя из-за накладных расходов ему и приходилось выполнять рутинные юридические задачи всякого рода, он всегда надеялся найти способ заполучить золотые горы.

– Отличная работа, – произнес он, когда Рошель повесила трубку. – Недвижимость никогда мне не нравилась.

Она проигнорировала его ремарку и вернулась к газете. Эй-Си тихо зарычал. Когда они посмотрели на него, он уже стоял на своей маленькой подстилке, вздернув нос, выпрямив хвост и сузив глаза от напряжения. Его рык стал громче, потом, постепенно, в тишину мрачного утра ворвался отдаленный звук сирены «скорой помощи». Сирены всегда будоражили Уолли, и на мгновение-другое он застыл, искусно анализируя звук. Полиция, пожарные или «скорая помощь»? Этот вопрос всегда решался в первую очередь, и Уолли мог отличить одну от другой за долю секунды. Сирены пожарных и полицейских машин не сулили им ничего хорошего, и он не обращал на эти звуки внимания, но сирена «скорой помощи» всегда заставляла его сердце биться чаще.

– «Скорая помощь», – констатировал он, положил газету на стол, встал и небрежно подошел к двери. Рошель тоже встала, приблизилась к окну и открыла шторы, чтобы быстро осмотреть улицу. Эй-Си все еще рычал, и когда Уолли открыл дверь и шагнул на крыльцо, собака потрусилась за ним. На другой стороне улицы Винс Голстон вышел из своего маленького «бутика» и бросил исполненный надежды взгляд на перекресток Бич и Тридцать восьмой. Увидев Уолли, он показал ему средний палец, и Уолли тут же ответил на приветствие.

«Скорая помощь» с визгом пронеслась по Бич, виляя и пробираясь через плотный поток машин, сердито сигналила и угрожая разрушениями и последствиями более серьезными, чем на

месте происшествия, что бы там ни произошло. Уолли наблюдал за ней, пока она не скрылась из виду, потом вернулся в здание.

Чтение газет продолжилось, и больше сотрудникам фирмы ничего не мешало: ни сирены, ни телефонные звонки от потенциальных клиентов или из коллекторских агентств. В 9.00 открылась дверь и вошел старший партнер. Как обычно, он был в длинном темном пальто и держал в руках громоздкий портфель из черной кожи, как будто работал не покладая рук всю ночь. Еще он держал в руках зонт, как всегда, несмотря на погоду за окном или ее прогноз. Оскар трудился вдали от высшей лиги, но по крайней мере мог изобразить выдающегося юриста. Темные пальто, темные костюмы, белые рубашки и шелковые галстуки. Его жена покупала эти вещи, настаивая, что он должен выглядеть соответственно своей должности. Уолли, напротив, надевал все, что попадалось ему под руку, когда он открывал шкаф.

– Доброе утро, – угрюмо поздоровался Оскар, приблизившись к столу миз Гибсон.

– Доброе утро, – ответила она.

– Есть что-нибудь интересное в газетах? – Оскара не интересовали результаты спортивных состязаний, наводнения, отчеты по рынкам или последние сводки с Ближнего Востока.

– Оператора вилочного погрузчика придавило на заводе в Палос-Хайтс, – быстро ответила миз Гибсон. Такова была часть их утреннего ритуала. Если ей не удавалось найти хоть какое-нибудь происшествие, чтобы порадовать утром шефа, его плохое настроение заметно ухудшалось.

– Мне это нравится, – заявил Оскар. – Он умер?

– Пока нет.

– Еще лучше. Много боли и страданий. Сделайте у себя пометку. Я проверю ее позже.

Миз Гибсон кивнула, как будто бедняга уже подписал документы и приобрел статус их нового клиента. Разумеется, он таковым не был и вряд ли мог стать. «Финли энд Фигг» редко добирались до места происшествия первыми. Скорее всего жену оператора вилочного погрузчика уже атаквали более агрессивные юристы, которые славились тем, что предлагали деньги и другие блага, чтобы заинтересовать семью потерпевшего.

Ободренный хорошими новостями, Оскар подошел к столу и произнес:

– Доброе утро.

– Доброе утро, Оскар, – ответил Уолли.

– Кто-нибудь из наших клиентов попал в некролог?

– Я так далеко пока не заглядывал.

– Нужно начинать с некрологов.

– Спасибо, Оскар. Еще будут советы по поводу того, как читать газеты?

Оскар уже шагнул к своему кабинету. Через плечо он обратился к миз Гибсон:

– Что у меня на сегодня назначено?

– Как обычно. Разводы и пьянство.

– Разводы и пьянство, – пробормотал Оскар, заходя в кабинет. – Что мне нужно, так это хорошая автомобильная катастрофа. – Он повесил пальто на крючок с обратной стороны двери, расположил зонт на полке у стола и принялся разбирать портфель.

Через пару минут рядом возник Уолли с газетой в руках.

– Имя Честер Марино вам о чем-нибудь говорит? – спросил он. – Это из некролога. Пятьдесят семь лет, жена, дети, внуки, причина смерти не указана.

Оскар почесал свою коротко стриженную седую голову и сказал:

– Вероятно. Возможно, он составлял у нас завещание.

– Он лежит у «Ван Изел энд санз». Посещение сегодня, служба завтра. Я осмотрю там и разведу ситуацию. Если он из наших, отправить цветы?

– Нет, пока не узнаем, чем он владеет.

– Точно подмечено. – Уолли все еще держал в руках газету. – Использование тазеров⁵ вышло из-под контроля, представьте себе. Копов из Джолиет обвинили в применении тазеров против семидесятилетнего старика, который отправился в «Уолл-март» купить «Судафед» для больного внука. Фармацевт решил, что старик собирается использовать препарат для приготовления амфетамина, и как добропорядочный гражданин позвонил в полицию. Выяснилось, что копы получили кучу новеньких тазеров, и пятеро этих клоунов остановили старика на парковке и припечатали тазерами его в задницу. Состояние критическое.

– Так мы возвращаемся к законам о тазерах, так, Уолли?

– Да, черт возьми. Это хорошие дела, Оскар. Нужно взять парочку в работу.

Оскар сел и тяжело вздохнул.

– Значит, на этой неделе у нас тазеры. На минувшей мы занимались опрелостями от подгузников и строили грандиозные планы в надежде засудить производителей памперсов, потому что у нескольких тысяч младенцев появились опрелости. В прошлом месяце у нас был китайский гипсокартон.

– По коллективному гражданскому иску⁶ по гипсокартону уже было выплачено четыре миллиарда баксов.

– Да, только мы ни цента из них не увидели.

– Смысл вот в чем, Оскар. Нам нужно серьезно относиться к коллективным гражданским искам. Вот где крутятся большие деньги. Миллионные гонорары, которые платят компании с миллиардной прибылью.

Дверь была открыта, и Рошель ловила каждое слово, хотя что-то подобное обсуждалось едва ли не ежедневно.

Уолли заговорил громче:

– Мы возьмем два-три таких дела, затем свяжемся со специалистами по коллективным гражданским искам, предложим им кусок пирога и будем пожинать плоды сотрудничества с ними, до тех пор пока не будет принято решение, и мы уйдем с мешком денег. Это легкие деньги, Оскар.

– А опрелости?

– Ну ладно, это не сработало. Но заварушка с тазерами – золотая жила.

– Очередная золотая жила, Уолли?

– Ага, и я тебе докажу.

– Попробуй.

Пьяный в конце барной стойки отчасти набрался сил. Он поднял голову и чуть приоткрыл глаза. Абнер подал ему кофе и с упоением заговорил, явно желая убедить мужчину, что пора уходить. Тинейджер подметал пол и расставлял столы и стулья. Маленький бар начал проявлять признаки жизни.

Рассудок Дэвида затуманила водка, он пристально разглядывал себя в зеркале и тщетно пытался расставить все по местам. Сначала его переполняли волнение и гордость за дерзкий побег со смертельного шествия в «Роган Ротберг». Потом охватывал страх перед женой, семьей и будущим. Алкоголь, однако, придавал смелости, и он решил продолжить пить.

Телефон завибрировал снова. Это была Лана из офиса.

– Аллю, – тихо произнес он.

– Дэвид, где вы?

⁵ Электрическое ружье Томаса А. Свифта, предназначенное для обезвреживания преступников без ущерба для их здоровья.

⁶ Автор использует выражение «коллективный деликатный иск» – частный вид коллективных гражданских исков, широко используемый истцами в США. Однако в связи с ориентированностью книги на широкий круг читателей здесь и далее будет использоваться термин «коллективный гражданский иск».

- Как раз заканчиваю завтракать, знаете ли.
- Дэвид, если судить по вашему голосу, у вас все не так уж хорошо...
- Все нормально. Нормально.

Последовала пауза.

- Вы пьете?
- Разумеется, нет. Сейчас только девять тридцать.
- Ладно, вам лучше знать. Послушайте, Рой Бартон только что ушел, и он в ярости. Я никогда таких слов не слышала. Он так и сыпал самыми страшными угрозами.

– Скажите Рою, пусть поцелует меня в задницу.

– Простите?

– Вы все поняли. Скажите Рою, пусть поцелует меня в задницу.

– Вы теряете хватку, Дэвид. Это правда. Вы сломались. Я не удивлена, я чувствовала, что это произойдет. Я знала это.

– У меня все в порядке.

– Нет, не в порядке. Вы пьяны, и вы сломались.

– Ладно, быть может, и пьян, но...

– Вроде опять звонит Рой Бартон. Что ему сказать?

– Чтобы он поцеловал меня в задницу.

– Почему бы вам самому не сказать ему это, Дэвид? У вас есть телефон. Позвоните мистеру Бартону. – С этими словами Лана повесила трубку.

Абнер подкрался ближе, из любопытства желая услышать как можно больше. Он вновь принялся протирать деревянную стойку – в третий или четвертый раз, с тех пор как Дэвид устроился в баре.

– Звонили из офиса, – сообщил Дэвид, и Абнер нахмурился, как будто это была плохая новость для всех. – Тот самый Рой Бартон, о котором я говорил, ищет меня и швыряется вещами. Жаль, что я не муха на стене и не вижу этого. Надеюсь, его хватит удар.

Абнер придвинулся ближе:

– Знаете, я так и не разобрал ваше имя.

– Дэвид Зинк.

– Рад познакомиться. Послушайте, Дэвид, только что пришел повар. Хотите что-нибудь съесть? Может, что-нибудь невероятно жирное? Картофель фри, луковые кольца, большой и толстый гамбургер?

– Я хочу двойную порцию луковых колец и большую бутылку кетчупа.

– Молодец. – Абнер исчез.

Дэвид выпил до дна последнюю «Кровавую Мэри» и отправился на поиски туалета. Вернувшись, он занял свое место, проверил время – 9.28 – и стал ждать луковые кольца. По запаху он уже чувствовал, что они шипят где-то на кухне в горячем масле. Пьяный в дальнем правом углу пил кофе огромными глотками, силясь не закрывать глаза. Тинейджер все еще подметал пол и расставлял стулья.

Лежавший на барной стойке телефон завибрировал снова. Это была жена Дэвида. Он даже не пошевелился. Когда вибрация прекратилась, он подождал, потом проверил голосовую почту. Хелен оставила именно такое сообщение, как можно было ожидать: «Дэвид, тебе дважды звонили из офиса. Где ты? Что делаешь? Все очень волнуются. У тебя все в порядке? Перезвони мне, как только сможешь».

Хелен училась в докторантуре Северо-западного университета, и когда он поцеловал ее утром в 6.45 перед уходом, она еще лежала под одеялом. Когда Дэвид приехал домой прошлым вечером в 10.05, они поужинали остатками лазаньи перед телевизором, а потом он заснул на диване. Хелен была на два года старше его и хотела забеременеть. Вероятность наступления беременности с каждым месяцем все уменьшалась ввиду постоянной усталости мужа. Тем вре-

менем она пыталась получить степень доктора философии по истории искусств, особенно не напрягаясь.

Раздался тихий гудок, за ним последовало текстовое сообщение от нее: «Где ты? Все в порядке? Пожалуйста, ответь».

Дэвид предпочел бы не разговаривать с ней еще пару часов. Ему придется выслушать упреки в том, что он сломался, и она настоит на обращении к специалистам. Ее отец был психиатром, а мать – консультантом по семейным отношениям, и вся семья верила, что любые жизненные проблемы и загадки можно решить со специалистом за несколько часов. Вместе с тем он, однако, не мог смириться с мыслью, что Хелен жутко переживает за его безопасность.

Он отправил текстовое сообщение: «У меня все в порядке. Мне понадобилось ненадолго уйти из офиса. Со мной все будет хорошо. Пожалуйста, не волнуйся».

Она ответила: «Где ты?»

Появились луковые кольца – груда золотисто-коричневых кружочков, покрытых толстым слоем теста и истекающих жиром, с пылу с жару, прямо из фритюрницы. Абнер поставил тарелку перед Дэвидом:

– Это наши лучшие кольца. Как насчет стакана воды?

– Я подумывал о пинте пива.

– Договорились. – Абнер взял кружку и шагнул к кранику.

– Моя жена разыскивает меня, – признался Дэвид. – У вас есть жена?

– И не спрашивайте.

– Простите. Она отличная женщина, хочет построить семью и все такое, но, похоже, нам не удастся даже начать. В прошлом году я проработал четыре тысячи часов, представляете? Четыре тысячи часов! Я обычно отмечаюсь в офисе в семь утра, а ухожу в десять вечера. Таков мой обычный день, но работа после полуночи не считается чем-то сверхъестественным. И, добираясь домой, я падаю без сил. Думаю, в прошлом месяце мы занимались сексом один раз. Трудно в это поверить. Мне тридцать один. Ей тридцать три. Мы оба в расцвете сил и хотим иметь ребенка, но этот большой мальчик, который сидит здесь перед вами, не может удержаться и засыпает.

Он открыл бутылку кетчупа и вылил из нее треть. Абнер поставил перед ним холодную пинту светлого пива.

– Хотя теста как следует поедите, – заметил Абнер.

Дэвид выудил одно луковое колечко, обмакнул в кетчуп и отправил в рот.

– О, конечно, мне неплохо платят. С чего бы я пошел на такие мучения, если бы мне не платили? – Дэвид осмотрелся, желая удостовериться, что их никто не подслушивает. Поблизости никого не было. Не отрываясь от колец, он заговорил тише: – Я старший юрист, пять лет работаю в компании, моя зарплата до вычетов налогов за прошлый год составила триста тысяч. Это целая куча денег, а поскольку у меня нет времени их тратить, они просто копятся в банке. Но давайте все подсчитаем. Я проработал четыре тысячи часов, но выставил счетов только на три тысячи. Три тысячи часов – предел для фирмы. Все остальное было размыто и отнесено к другим видам деятельности фирмы и работе *pro bono*⁷. Вы меня слушаете, Абнер? У вас такой вид, будто вы заскучали.

– Слушаю. Я обслуживал юристов и раньше. Знаю, какие они зануды.

Дэвид сделал большой долгий глоток светлого пива и причмокнул.

– Благодарю за прямоту.

– Я всего лишь делаю свое дело.

– Фирма выставляет счета за мою работу по ставке пятьсот баксов за час. Умножьте это на три тысячи. Это полтора миллиона для доброго старого «Рогана Ротберга», а не несчастные

⁷ Безвозмездной (*лат.*).

триста тысяч. Умножьте это на пятьсот – столько юристов делают примерно то же, что и я, – и вы поймете, почему юридические факультеты кишат умными молодыми студентами, которые только и мечтают устроиться в крупную юридическую фирму, стать партнерами и разбогатеть. Вы заскучали, Абнер?

– Захватывающий рассказ.

– Хотите луковое колечко?

– Нет, спасибо.

Дэвид затолкал очередное большое кольцо в пересохший рот и запил половиной пинты пива. С края барной стойки донесся громкий хлопок. Пьяный снова сдался – его голова лежала на стойке.

– Кто этот парень? – спросил Дэвид.

– Его зовут Эдди. Заведение наполовину принадлежит его брату, так что он никогда не платит по счету. Меня уже тошнит от него. – Абнер побрел к Эдди и обратился к нему, но тот не ответил. Абнер убрал кофейную чашку и вытер стойку рядом с Эдди, потом медленно вернулся к Дэvidу.

– Так вы отказываетесь от трехсот тысяч, – продолжил Абнер. – И какие у вас планы на будущее?

Дэвид засмеялся, пожалуй, даже слишком громко:

– Планы? Об этом я пока не задумывался. Два часа назад я, как всегда, приехал на работу, а теперь сломался. – Очередной глоток. – Мой план, Абнер, состоит в том, чтобы подольше просидеть здесь и попытаться проанализировать, почему я сломался. Вы мне можете помочь?

– Это моя работа.

– Я оплачу мой счет и счет Эдди.

– Неплохое предложение.

– Еще одну пинту пива, пожалуйста.

Глава 4

Посвятив час или около того чтению газеты, Рошель Гибсон съела йогурт, насладились кофе и неохотно взялась за работу. Ее первой задачей было проверить, есть ли в реестре клиентов некий Честер Марино, ныне покоящийся с миром в бронзовом бюджетном ящике в похоронном бюро «Ван Изел энд санз». Оскар оказался прав. Фирма готовила последнее завещание для мистера Марино шесть лет назад. Рошель нашла тонкий файл в кладовой рядом с кухней и отнесла его Уолли, который усердно работал за своим захлавленным столом.

Кабинет Уоллиса Т. Фигга, адвоката и поверенного, по первоначальному замыслу архитектора был спальней, но с годами, в результате переноса стен и дверей, его метраж несколько увеличился. Разумеется, теперь тут не осталось и намека на спальню, но и на кабинет помещение особенно не походило. За дверью начинался небольшой коридор шириной около двенадцати футов, потом коридор изгибался направо и выходил в более просторное помещение, там и работал Уолли за столом в стиле 1950-х годов, на самом деле современным: он достался ему по выгодной цене на распродаже. Стол был завален папками с конвертами из манильской бумаги и исписанными крупноформатными блокнотами и заклеен сотнями бумажек с телефонными сообщениями. Человеку непосвященному, в том числе потенциальным клиентам, могло показаться, что юрист, работающий за таким столом, невероятно занят, а может, и очень важен.

Как всегда, миз Гибсон медленно подошла к столу, стараясь не потревожить стопки толстых юридических книг и старых папок, выстроившихся у нее на пути. Она подала Уолли папку со словами:

- Мы оформляли завещание для мистера Марино.
- Спасибо. Каким имуществом он владел?
- Я не смотрела, – бросила она, уже направляясь назад.

Рошель исчезла, а Уолли открыл папку. Шесть лет назад мистер Марино работал аудитором штата Иллинойс и зарабатывал 70 000 долларов в год, жил со своей второй женой и двумя ее детьми-подростками и наслаждался тихим существованием в пригороде. Он как раз выплатил ипотечный кредит за их дом – единственный значительный актив. У них были общие банковские счета, пенсионные фонды и несколько задолженностей. Интерес представляла только коллекция из трехсот бейсбольных карт, которую мистер Марино оценивал в 90 000 долларов. На четвертой странице в папке красовалась ксерокопия карточки 1916 года с изображением Босого Джо Джексона в форме «Уайт сокс», и под ней Оскар написал «75 000 долларов». Оскар не увлекался спортом и никогда не упоминал Уолли об этой странной подробности. Мистер Марино подписал простое завещание, которое мог бы оставить сам совершенно бесплатно, но почему-то отдал «Финли энд Фигг» двести пятьдесят долларов за труды. Читая последнюю волю усопшего, Уолли понял: составляя завещание, мистер Марино преследовал единственную цель – чтобы коллекция бейсбольных карточек не попала в руки его пасынков. Мистер Марино оставил ее своему сыну, Лайлу. На пятой странице Оскар нацарапал: «Жена не знает про карточки».

Уолли оценил недвижимое имущество супругов приблизительно в 500 000 долларов, и при действующих процедурах утверждения завещания⁸ выходило, что юрист, который уладит последние дела мистера Марино, заработает около 5000 долларов. Если не разразится скан-

⁸ Утверждение завещания – судебная процедура, посредством которой завещание признают действительным или недействительным, она необходима для завершения дел покойного. В рамках данного процесса кредиторы имеют возможность подать иск и получить выплаты по долгам. После уплаты государственных взносов и налогов оставшаяся часть имущества распределяется между наследниками.

дал из-за бейсбольных карточек, а Уолли, разумеется, на это надеялся, утверждение пройдет в невыносимо унылом обычном режиме и займет около восемнадцати месяцев. Но если наследники будут бороться, Уолли растянет его на три года и утроит свой гонорар. Он не любил работать над утверждением завещаний, однако это было намного лучше разводов и дел по опеке над детьми. Дела об утверждении всегда оплачивались по счетам, а иногда давали возможность заработать дополнительно.

То, что «Финли энд Фигг» подготовили завещание, не играло никакой роли в том, что касалось его утверждения. Любой юрист мог этим заняться, и из своего богатого опыта на туманной ниве привлечения клиентов Уолли знал, что тучи голодных юристов постоянно изучают некрологи и подсчитывают гонорары. Так что для него имело смысл потратить время и заглянуть к Честеру, чтобы предъявить права на оказание юридических услуг по завершению дел покойного. Разумеется, также стоило заехать в «Ван Изел энд санз» – одно из многих похоронных бюро на его участке.

До окончания срока, на который Уолли лишили водительских прав за вождение в пьяном виде, оставалось три месяца, но он продолжал садиться за руль. Однако, проявляя осторожность, держался поближе к дому и офису, где знал всех полицейских. Отправляясь в суд в центр города, Уолли садился на автобус или на поезд.

Бюро «Ван Изел энд санз» располагалось за пределами его «комфортной зоны», но он решил рискнуть. Если попадетсЯ, вероятно, ему удастся заговорить полицейских и избежать неприятностей. Если полицейские не уступят, придется надеяться на связи с судьями. В основном он старался ехать дворами и держаться подальше от потока машин.

Мистер Ван Изел и трое его сыновей умерли много лет назад, их похоронное бюро меняло одного владельца за другим, бизнес пришел в упадок, как и «внимательное и заботливое обслуживание», о котором до сих пор говорилось в рекламе. Уолли припарковался позади, на пустом месте, и вошел через парадный вход, как будто появился здесь, желая выразить соболезнования. Было почти десять утра среды, и пару секунд он провел в полном одиночестве. Он остановился в коридоре и изучил план помещений. Честер находился за второй дверью справа, во втором из трех помещений для прощания. Слева располагалась маленькая часовня. Одетый в черный костюм человек с бледной кожей, бурными зубами приблизился к нему и произнес:

– Доброе утро. Могу ли я вам помочь?

– Доброе утро, мистер Грейбер, – сказал Уолли.

– О, это опять вы.

– Всегда рад вас видеть. – Хотя Уолли однажды пожимал руку мистер Грейберу, он не стремился это повторить. Он не знал наверняка, но подозревал, что мужчина – один из владельцев похоронного бюро. Уолли навсегда запомнил мягкое прохладное прикосновение его руки. Да и сам мистер Грейбер не спешил протянуть руку. Им обоим не нравилось то, чем занимается собеседник. – Мистер Марино был нашим клиентом, – хмуро добавил Уолли.

– Посещение будет разрешено только сегодня вечером, – сообщил Грейбер.

– Да, понимаю. Но сегодня днем я уезжаю из города.

– Прекрасно. – И он вроде как махнул в направлении помещений, где лежали тела.

– Полагаю, другие юристы еще не показывались, – сказал Уолли.

Грейбер фыркнул и закатил глаза.

– Кто знает? За вами, ребята, я уследить не могу. На прошлой неделе мы устраивали похороны для мексиканца-нелегала, которого задавил бульдозер, служба проводилась в местной часовне. – Он кивнул в сторону часовни. – Так тут собралось больше юристов, чем членов семьи. Бедняга никогда не купался в такой любви.

– Как мило, – заметил Уолли. Он тоже приходил на церемонию на прошлой неделе, но «Финли энд Фигг» то дело не досталось. – Спасибо, – сказал он и отошел.

Уолли миновал первый зал – закрытый гроб, ни одного плачущего родственника. Он шагнул во второе помещение – тускло освещенную комнату, двадцать футов на двадцать, с гробом у одной стены и рядом дешевых стульев у другой. Честера закрыли полностью, что порадовало Уолли. Он положил руку на крышку гроба с таким видом, будто едва сдерживал слезы. Только он и Честер, в последний раз наедине.

Как правило, Уолли околачивался у гроба пару минут в надежде, что появится кто-то из членов семьи или друзей. Если на этот раз никто не придет, Уолли распишется в журнале и оставит визитку Грейберу с особыми указаниями сообщить семье, что юрист мистера Марино заезжал выразить соболезнования. Фирма отправит цветы в бюро и письмо вдове, а через пару дней Уолли позвонит женщине и в разговоре даст ей понять, что она так или иначе обязана нанять «Финли энд Фигг», поскольку они готовили завещание. В половине случаев это срабатывало.

Уолли уже собрался уходить, когда в комнату шагнул молодой человек лет около тридцати, приятной наружности и в подобающем облачении – в пиджаке и при галстуке. Он посмотрел на Уолли весьма скептически, как многие, кто видел его впервые, хотя сам Уолли уже из-за этого не переживал. Когда два совершенно незнакомых друг другу человека встречаются в пустом помещении у гроба для прощания с усопшим, первые слова произносятся с большой неловкостью. Наконец Уолли удалось представиться, и молодой человек произнес:

– Да, что ж... это мой отец. Я Лайл Марино.

Ах, так это будущий владелец прекрасной коллекции бейсбольных карточек. Но Уолли не мог об этом упоминать прямо сейчас.

– Ваш отец был клиентом нашей юридической фирмы, – заметил Уолли. – Мы готовили его завещание. Мне очень жаль.

– Благодарю, – ответил Лайл, казалось, он испытал облегчение. – Не могу в это поверить. В прошлую субботу мы ходили на «Блэкхоукс». Отлично провели время. А теперь его нет.

– Мне очень жаль. Так он скончался внезапно?

– От сердечного приступа. – Лайл шелкнул пальцами и сказал: – Раз – и все. Он сидел на работе утром в понедельник у себя за столом и ни с того ни с сего вспотел, ему стало тяжело дышать, потом он просто упал на пол. Замертво.

– Мне очень жаль, Лайл, – произнес Уолли таким тоном, как будто знал молодого человека всю жизнь.

Лайл поглаживал крышку гроба, повторяя:

– Просто не могу в это поверить.

Уолли требовалось получить недостающую информацию.

– Ваши родители развелись около десяти лет назад, верно?

– Что-то вроде того.

– Ваша мать до сих пор живет в городе?

– Да. – Лайл вытер глаза тыльной стороной ладони.

– А ваша мачеха? Вы с ней близки?

– Нет. Мы не разговариваем. Развод был отвратительным.

Уолли едва сдержал улыбку. Враждующие родственники повысят его гонорары.

– Мне очень жаль. Ее зовут...

– Милли.

– Точно. Послушайте, Лайл, мне нужно бежать. Вот моя визитка. – Уолли проворно вытащил визитку и протянул парню. – Честер был отличным парнем, – добавил Уолли. – Позвоните, если понадобится наша помощь.

Лайл взял визитку и затолкал в карман брюк. Он пустым взглядом смотрел на гроб.

– Простите, как ваша фамилия?

– Фигг. Уолли Фигг.

– Вы юрист?

– Да. «Финли энд Фигг», маленькая фирма, которая ведет множество дел во всех крупных судах.

– И вы знали моего отца?

– О да, очень хорошо. Он любил собирать бейсбольные карточки.

Лайл убрал руку с гроба и посмотрел прямо в хитрые глаза Уолли Фигга.

– Знаете, что убило моего отца, мистер Фигг?

– Вы сказали, сердечный приступ.

– Точно. Знаете, что вызвало сердечный приступ?

– Хм-м... нет.

Лайл посмотрел на дверь, желая удостовериться, что они до сих пор одни. Он оглядел комнату, чтобы удостовериться, что никто не подслушивает. Он шагнул ближе, так что его туфли почти коснулись туфель Уолли, который уже был готов услышать, что старого Честера убили каким-нибудь хитроумным способом.

Почти шепотом Лайл спросил:

– Вы когда-нибудь слышали о лекарстве, которое называется крейокс?

* * *

В торговом центре рядом с бюро «Ван Изел энд санз» был «Макдоналдс». Уолли купил два стакана кофе, и они поспешили удалиться за отгороженный столик, как можно дальше от стойки с кассами. Лайл достал стопку бумаг – статьи, найденные в Интернете, и стало очевидно, что ему необходимо с кем-то поговорить. С тех пор как сорок восемь часов назад умер отец, его преследовали мысли о крейоксе.

Лекарство было на рынке уже шесть лет, и его продажи стремительно росли. Как правило, оно помогало понизить холестерин у полных людей. Вес Честера медленно подползал к отметке в триста фунтов, а это вызывало повышение и других показателей – уровня кровяного давления и холестерина прежде всего. Лайл ругал отца за лишний вес, но Честер не мог отказаться от поедания мороженого ночью. Пытаясь побороть стресс после отвратительного развода, он сидел в темноте и поглощал одну пинту «Бен энд Джеррис» за другой. Начав набирать вес, он не смог его сбросить. Доктор выписал ему крейокс год назад, и уровень холестерина резко упал. В то же время Честер начал жаловаться на аритмию и одышку. Он сообщил об этом доктору, но тот заверил, что все в порядке. Резкое снижение холестерина перевешивало неудобства от незначительных побочных эффектов.

Крейокс производился «Веррик лабз» – фирмой из Нью-Джерси, в данный момент занимавшей третье место в списке десяти крупнейших фармацевтических компаний мира по версии журнала «Биг фарма» объемом годовых продаж в размере 25 миллиардов долларов и длинным шлейфом кровавых сражений с федеральными регулирующими органами и юристами, специализирующимися на гражданских делах.

– За год «Веррик» зарабатывает на крейоксе шесть миллиардов, – говорил Лайл, просматривая свежие распечатки из Интернета. – И с каждым годом доходы растут на десять процентов.

Уолли забыл о кофе, пока его собеседник цитировал статьи. Он молча слушал, хотя от обилия информации у него едва не закружилась голова.

– И вот что интереснее всего, – произнес Лайл, поднимая очередной лист. – Вы когда-нибудь слышали о юридической фирме «Зелл энд Поттер»?

Уолли никогда не слышал о крейоксе, хотя и недоумевал, почему при его весе в 240 фунтов и слегка повышенном уровне холестерина доктор не советовал ему принимать это лекар-

ство. О «Зелл энд Поттер» он тоже не слышал, но, почувствовав, что фирма сыграла ключевую роль в каком-то важном событии, не захотел признаваться в своем невежестве.

– Думаю, да, – ответил он и, нахмурившись, задумался.

– Большая фирма, представляющая интересы истцов, из Форт-Лодердейла.

– Ага.

– На прошлой неделе ее юристы подали во Флориде иск против «Веррик», крупный иск в связи с многочисленными случаями гибели людей из-за приема крейокса. Вот репортаж из «Майами гералд».

Уолли просмотрел статью, и его сердце забилося вдвое быстрее.

– Уверен, вы слышали об этом иске, – сказал Лайл.

Уолли постоянно поражался наивности обычных людей. В Соединенных Штатах каждый год подается два миллиона исков, а бедный Лайл, сидящий рядом, думал, что Уолли обратил внимание на какой-то один в южной Флориде. Тем не менее Уолли кивнул:

– Да, я слежу за ходом процесса.

– Ваша фирма ведет подобные дела? – тут же спросил Лайл.

– Мы на них специализируемся, – ответил Уолли. – Мы собаку съели на делах о смерти и травмах. Я хотел бы взяться за «Веррик лабз».

– Правда? Вы судились с ними раньше?

– Нет, но нам приходилось бороться со многими крупными фармацевтическими компаниями.

– Это просто прекрасно. Значит, вы готовы вести дело моего отца?

«Готов, черт возьми», – подумал Уолли, хотя благодаря многолетнему опыту знал, что лучше не проявлять чрезмерного энтузиазма, как, впрочем, и явного оптимизма.

– Мне кажется, у этого дела есть потенциал. Мне нужно посоветоваться с моим старшим партнером, провести кое-какие исследования, поболтать с ребятами из «Зелл энд Поттер» – словом, выполнить мое домашнее задание. Работа с коллективными гражданскими исками очень сложна.

А еще она может быть невероятно выгодной – и эта мысль больше всего занимала Уолли в тот момент.

– Спасибо, мистер Фигг.

Без пяти одиннадцать Абнер несколько оживился. Он посматривал на дверь, продолжая натирать бокалы для мартини белым полотенцем. Эдди, проснувшись в очередной раз, потягивал кофе, но до сих пор пребывал в ином мире. Наконец Абнер спросил:

– Дэвид, вы не могли бы оказать мне любезность?

– Любую, какую вам угодно.

– Вы не могли бы передвинуться на два табурета? Тот, на котором вы сидите сейчас, забронирован на одиннадцать часов на каждое утро.

Дэвид посмотрел направо: между ним и Эдди стояло восемь пустых табуретов. А слева от конца барной стойки его отделяли семь пустых табуретов.

– Вы шутите? – спросил Дэвид.

– Вовсе нет. – Абнер схватил его кружку пива, уже почти пустую, заменил на полную и поставил перед третьим табуретом от него слева. Дэвид медленно встал и последовал за своим пивом.

– А в чем тут фишка? – поинтересовался он.

– Увидите, – ответил Абнер, кивнув на дверь. В пабе больше никого не было, кроме Эдди, разумеется.

Через пару минут дверь открылась, и появился пожилой мужчина-азиат. На нем была безукоризненно чистая форма, галстук-бабочка и маленькая водительская кепка. Он сопро-

вождал леди, которая выглядела намного старше его. Она шла, опираясь на трость, без посторонней помощи, а водитель порхал вокруг нее. И эта странная пара медленно направилась к барной стойке. Дэвид замороженно наблюдал за ними: у него наконец начались галлюцинации или это происходило наяву? Абнер смешивал коктейль и тоже наблюдал. Эдди что-то бормотал.

– Доброе утро, мисс Спенс, – вежливо поздоровался Абнер, чуть ли не поклонившись.

– Доброе утро, Абнер, – сказала она, скованно поднимаясь всем телом и осторожно забираясь на табурет. Водитель повторял все ее движения обеими руками, но не прикасался к ней. Усевшись как следует, дама произнесла:

– Мне как обычно.

Водитель, кивнув Абнеру, попятился и тихо вышел из бара.

На мисс Спенс была длинная норковая шуба, ее крошечную шею обнимало массивное жемчужное ожерелье, а толстый слой помады и туши мало помогал скрыть то, что ей как минимум девяносто лет. Дэвид тут же проникся благоговением. Его бабушке было девяносто два года, и она лежала пристегнутая ремнями к койке в доме престарелых, словно существуя в каком-то другом мире, и вот перед ним оказалась величественная почтенная дама, которая выпивает еще до обеда.

Она не обращала на Дэвида никакого внимания. Абнер закончил смешивать ее коктейль – интересное сочетание разных ингредиентов.

– Один «Перл-Харбор», – объявил он, поставив стакан перед ней.

Она медленно поднесла его к губам, сделала маленький глоток с закрытыми глазами, прополоскала алкоголем рот, а потом одарила Абнера легчайшей из своих весьма морщинистых улыбок. И тот снова начал дышать.

Дэвид, еще не совсем пьяный, но приближавшийся к этому состоянию, склонился над стойкой и спросил у женщины:

– Вы часто сюда приходите?

Абнер судорожно сглотнул и, словно защищаясь, выставил обе ладони перед Дэвидом.

– Мисс Спенс – постоянный клиент, и она предпочитает пить в тишине, – взволнованно произнес он. Мисс Спенс еще раз приложила к стакану, опять с закрытыми глазами.

– Она хочет пить в баре в тишине? – с недоверием спросил Дэвид.

– Да! – рявкнул Абнер.

– Что ж, тогда она, наверное, не ошиблась в выборе бара, – заметил Дэвид, обведя широким жестом пустое помещение. – Здесь безлюдно. У вас хоть когда-нибудь собираются толпы?

– Еще бы, – уверенно ответил Абнер. На его лице читалось: «Просто посидите какое-то время тихо».

Но Дэвид упорствовал:

– Просто за целое утро у вас было только два клиента – я и старина Эдди, и мы все знаем, что он не оплачивает счет.

В это мгновение Эдди как раз поднимал чашку кофе, направляя ее к собственному лицу, но не мог найти рот. Он явно не слышал замечания Дэвида.

– Прекратите! – прорычал Абнер. – Или я попрошу вас уйти.

– Извините. – Дэвид замолчал. Ему не хотелось уходить, потому что он понятия не имел, куда направится.

Третий глоток сделал свое дело и немного разрядил обстановку. Мисс Спенс открыла глаза и осмотрелась. Медленно, старческим голосом она произнесла:

– Да, я часто сюда прихожу. С понедельника по субботу. А вы?

– Сегодня – в первый раз, – ответил Дэвид. – Но думаю, не в последний. Начиная с сегодняшнего дня у меня, вероятно, будет больше времени, чтобы пить, как и больше поводов.

Ваше здоровье. – Он потянулся через стойку и пивной кружкой осторожно дотронулся до ее стакана.

– Ваше здоровье, – ответила она. – А почему вы здесь, молодой человек?

– Это длинная история. И она становится все длиннее и длиннее. А почему здесь вы?

– О, не знаю. По привычке, наверное. Сколько я уже сюда хожу шесть дней в неделю?

– Лет двадцать, не меньше, – подсказал Абнер.

Дама явно не желала выслушивать длинную историю Дэвида. Она сделала еще один глоток и приняла такой вид, как будто ей захотелось вздремнуть. Дэвида вдруг тоже стало клонить в сон.

Глава 5

Хелен Зинк прибыла в Траст-тауэр чуть позже полудня. Добираясь на машине в центр, в сотый раз попыталась позвонить и отправить текстовое сообщение мужу, но без особого успеха. В 9.33 он написал ей эсэмэс – просил не волноваться, а в 10.42 прислал второе, и последнее, сообщение: «Нет, милллая. Все ок. Не биспакойся».

Хелен, оставив машину в гараже, пробежала по улице и ступила в атриум небоскреба. Через пару минут она вышла из лифта на девяносто третьем этаже. Секретарь провела ее в маленький конференц-зал, где она села ждать руководство в полном одиночестве. Несмотря на обеденное время, в «Рогане Ротберге» неодобрительно смотрели на всех, кто пытался перекусить вне здания. Хорошая пища и свежий воздух превратились практически в табу. Периодически кто-нибудь из важных партнеров устраивал клиенту показательный марафон и выводил его на дорогостоящий обед, за который в конечном счете приходилось расплачиваться самому клиенту, ведь его обманывали давно испытанными способами – увеличением количества документов и раздуванием гонораров. Однако, как правило (хоть это было и неписаное правило), младшие юристы и менее важные партнеры быстро хватали сэндвичи из автомата. Обычно Дэвид и завтракал, и обедал за своим столом, и не так уж редко ужинал. Однажды он похвастался Хелен, что успел выставить счета трем разным клиентам, каждому – за час работы, пока жевал копченого тунца с чипсами и запивал все диетической содовой. Она надеялась, это лишь шутка.

Хотя точность цифры вызывала у нее сомнения, ей казалось, муж набрал не меньше тридцати фунтов со дня их свадьбы. Тогда он еще занимался бегом, и лишний вес не был проблемой. Но постоянное употребление вредных продуктов вкупе с практически полным отсутствием физической нагрузки беспокоило их обоих. На девяносто восьмом этаже фирмы располагался прекрасный и неизменно пустой спортивный зал: та же идея, та же цель прививать сотрудникам умение заботиться о здоровье, то же пренебрежение всем этим. В «Рогане Ротберге» промежуток между 12.00 и 13.00 ничем не отличался от любого другого часа дня и ночи.

Это был второй визит Хелен в офис за пять лет. Супругам сотрудников не запрещали сюда приходить, но и не приглашали. У нее не было повода здесь появляться, а после всех страшных историй, которые Дэвид рассказывал дома, она вообще не испытывала желания навещать сюда или общаться с его коллегами. Дважды в год они с Дэвидом выбирались на какое-нибудь ужасное светское мероприятие «Рогана Ротберга» – жалкую вылазку из офиса с целью ободрить измотанных юристов и их заброшенных супругов и супруг. Неизменно такие мероприятия превращались в отвратительные попойки с демонстрацией возмутительного поведения, а выходы некоторых порой было невозможно забыть. Возьмите кучку измученных юристов, напоите их, и все пойдет хуже некуда.

Год назад на вечеринке на корабле на озере Мичиган за милю от берега Рой Бартон пытался приставать к Хелен. Если бы он не был так пьян, возможно, его попытки могли бы увенчаться успехом, и это привело бы к серьезным последствиям. Целую неделю Хелен и Дэвид спорили о том, что предпринять. Дэвид хотел устроить ему очную ставку, а потом пожаловаться в особый комитет фирмы. Хелен была против, поскольку это могло навредить карьере Дэвида. Свидетелей не было, и правда крылась в том, что Бартон, вероятно, и сам не помнил, что натворил. Со временем они перестали говорить об этом инциденте. За пять лет Хелен выслушала столько историй о Рое Бартоне, что Дэвид в какой-то момент решил больше не упоминать дома имя начальника.

И вот сейчас Рой шагнул в маленький конференц-зал с недовольной гримасой и решительно спросил:

– Хелен, что происходит?

– Забавно, у меня к вам такой же вопрос, – парировала она. Мистер Бартон (именно это обращение он предпочитал) давил на людей, сначала облаивая их, а потом пытаясь смутить. Она не собиралась это терпеть.

– Где он? – рявкнул он.

– Вот вы мне и скажите, Рой, – ответила она.

Лана, секретарь, и Ал, и Перекошенная вместе вышли из лифта, как будто получили повестку от одного и того же судебного чиновника. Всех быстро представили друг другу, потом Рой закрыл дверь. Хелен много раз общалась с Ланой по телефону, но никогда не видела ее.

Посмотрев на Ала и Перекошенную, Рой произнес:

– Вы двое, сообщите нам, что случилось.

Каждый изложил собственную версию последней поездки Дэвида Зинка на лифте и без малейших преувеличений нарисовал четкий и ясный образ нервного человека, внутри которого что-то «щелкнуло». Он потел, тяжело дышал, был бледен, довольно опрометчиво заскочил обратно в лифт и приземлился на пол. А как только сдвинулись дверцы, они услышали его смех.

– С ним все было в порядке, когда сегодня утром он уходил из дома, – заверила их Хелен, словно желая подчеркнуть, что ее муж сломался именно по вине фирмы.

– Вы! – рявкнул Рой, обращаясь к Лане. – Вы говорили с ним.

У Ланы все было записано. Она говорила с ним дважды, потом он перестал отвечать на звонки.

– После второго разговора, – добавила она, – мне стало совершенно ясно, что он выпил. У него заплетался язык, и он растягивал слоги.

Рой метнул злобный взгляд на Хелен, как будто это она была во всем виновата:

– И куда он мог отправиться?

– О, как обычно, Рой, – сказала Хелен. – В то самое место, куда всегда ходит, когда падает от усталости в 7.30 утра и напивается.

В кабинете воцарилось тяжелое молчание. Хелен Зинк явно не стеснялась дерзить Рою Бартону, а остальные, разумеется, не смели.

Понизив голос, мистер Бартон спросил ее:

– Он много пьет?

– У него нет времени пить, Рой. Он приходит домой в десять или одиннадцать, иногда выпивает бокал вина, а потом засыпает на диване.

– Он обращался к психиатру?

– В связи с чем? Не с тем ли, что работает по сто часов в неделю? Я думала, здесь это норма. Тогда вам всем нужно показаться психиатру.

Повисла пауза. Рою дали достойную отповедь, и это было крайне необычно. Ал и Перекошенная уставились в стол, с трудом сдерживая улыбки. Лана выглядела, как испуганная лань, явно приготовившись к тому, что ее в любую минуту уволят.

– Значит, у вас нет информации, которая могла бы оказаться нам полезной? – заключил Рой.

– Нет, а у вас, очевидно, нет информации, которая могла бы оказаться полезной мне, верно, Рой?

Рой был сыт по горло. Его глаза сузились, желваки вздулись, лицо покраснело. Он взглянул на Хелен:

– Он объявится, ясно? Рано или поздно. Он сядет в такси и приедет домой. Он приползет к вам, а потом приползет к нам. Он получит еще один шанс, понимаете? Я хочу, чтобы он был у меня в кабинете завтра ровно в восемь утра. Трезвый и исполненный сожаления.

Глаза Хелен увлажнились. Она приложила руки к щекам и срывающимся голосом произнесла:

– Я просто хочу найти его. Хочу узнать, что он в безопасности. Вы поможете мне?

– Принимайтесь за поиски, – посоветовал Рой. – В центре Чикаго множество баров. Рано или поздно вы его найдете.

С этими словами Рой Бартон эффектно удалился из кабинета и захлопнул за собой дверь. Как только он исчез, Ал шагнул вперед, потрепал Хелен по плечу и тихо сказал:

– Послушайте, Рой – осел, но он прав вот в чем: Дэвид сейчас напивается в баре. И в конце концов он сядет в такси и отправится домой.

Перекошенная тоже приблизилась к ней со словами:

– Хелен, такое здесь уже случалось. На самом деле в этом нет ничего необычного. Завтра с ним все будет в порядке.

– И в штате фирмы есть консультант, настоящий профессионал, который работает с пострадавшими, – добавил Ал.

– С пострадавшими? – удивилась Хелен. – Вот кем считается мой муж в данный момент?

Перекошенная пожала плечами:

– Да, но вы не волнуйтесь.

Ал повторил:

– Он в баре. – И добавил: – Хотел бы я оказаться сейчас рядом с ним.

В заведении Абнера наконец собралась толпа. Все скамьи и столы в обеденное время заняли офисные работники, заливавшие гамбургеры пинтами пива. Дэвид подвинулся на один стул направо и оказался рядом с мисс Спенс. Она допивала свой третий, и последний, «Перл-Харбор», а Дэвид – второй. Когда она предложила ему первый, сначала он отказался, заявив, что не любит суетливо смешанные напитки. Она настояла, и Абнер, приготовив новую порцию, поставил стакан перед Дэвидом. На вид безобидный, как сироп от кашля, на самом деле напиток представлял собой убийственную смесь водки, дынного ликера и ананасового сока.

Их общим интересом оказался стадион «Ригли филд». Отец водил туда мисс Спенс еще маленькой девочкой, она всю жизнь следила за своими любимыми «Кабс». Она хранила свои сезонные билеты шестьдесят два года (рекордный срок, по ее твердому убеждению) и видела в игре самых великих: Роджерса Хорнсби, Эрни Бэнкса, Рона Санто, Билли Уильямса, Ферджи Дженкинса и Райана Сендберга. И очень переживала за них, наравне с другими фанатами «Кабс». Ее взгляд зажегся, когда она начала рассказывать знаменитую историю о проклятии козла Билли⁹. И она едва не всплакнула, когда в подробностях вспомнила великую осень 1969-го. Упомянув пресловутый июньский упадок 1977-го, она сделала долгий глоток, не сообщив Дэвиду о том, что ее покойный супруг однажды пытался купить команду, но его каким-то образом обошли хитрые конкуренты.

После двух коктейлей «Перл-Харбор» мисс Спенс совершенно разморило. Третий подействовал усыпляюще. Она не интересовалась историей Дэвида, предпочитая говорить сама, а Дэвид, который уже медленно соображал, с удовольствием ее слушал. Абнер периодически подходил к ним, чтобы удостовериться, все ли ее устраивает.

Ровно в 12.15, как раз до того, как в бар Абнера нахлынул поток обеденных посетителей, водитель-азиат явился забрать мисс Спенс. Она осушила стакан, попрощалась с Абнером и, даже не пытаясь оплатить счет, поблагодарила Дэвида за компанию и покинула бар. Правой рукой она уцепилась за водителя, а левой – опиралась на палку. Мисс Спенс шла медленно, но прямо и несла себя с гордостью. Она явно собиралась вернуться.

– И кто это? – спросил Дэвид у Абнера, когда тот оказался поблизости.

⁹ Как-то владелец таверны «Козел Билли» привел с собой на матч «Кабс» питомца и талисмана заведения – козла Билли. Его попросили покинуть игру, поскольку запах, исходивший от животного, мешал другим болельщикам. Хозяин козла проклял «Кабс», и команда еще много лет занимала не самые лучшие места в турнирных таблицах.

- Я расскажу вам позже. Обедать будете?
- Конечно. У гамбургеров отличный вид. С двойной порцией сыра и картошкой фри.
- Будет сделано.

Водителя такси звали Боуи, и он любил поговорить. Когда они уехали из третьего похоронного бюро, он уже не смог сдержать любопытства.

– Я вот хочу спросить, дружище, – пропел он, обернувшись, – а что такого интересного в этих погребальных конторах?

Уолли обложил заднее сиденье некрологами, городскими картами и крупноформатными блокнотами.

– Поехали в «Вуд энд Фергюсон» на Сто третьей улице у Беверли-парк, – заявил он, временно проигнорировав вопрос Боуи.

Они провели вместе почти два часа, и счетчик приближался к отметке в 180 долларов – неплохая сумма для гонорара таксиста. Зато появились существенные изменения в контексте суда по крейоксу. Если верить статьям, которые передал ему Лайл Марино, юристы считали, что дело о смерти, связанной с употреблением лекарств, может принести от двух до четырех миллионов долларов. Юристы заберут сорок процентов, а «Финли энд Фигг», разумеется, придется разделить гонорар с «Зелл энд Поттер» или другой фирмой, специализирующейся на гражданских исках и играющей главную роль в разбирательстве. Но даже после уменьшения гонораров дело о лекарстве оставалось золотой жилой. Сейчас срочно требовалось найти реальные дела. Пока такси возило по Чикаго, он пребывал в уверенности, что только ему одному из миллиона юристов в городе хватило проницательности броситься на улицы мегаполиса в поисках жертв крейокса.

В соответствии с другой статьей негативное побочное действие этого лекарства только что обнаружили. А в третьей, в цитате судебного юриста, отмечалось, что медицинским кругам и широкой общественности пока неизвестно о «фиаско крейокса». Но Уолли-то все знал, и теперь его не особенно волновало, сколько он потратит на такси.

– Я задал вопрос обо всех этих похоронных бюро, – напомнил Боуи. Они ведь пока не собирались расставаться, и он не хотел, чтобы его игнорировали.

- Уже час дня, – объявил Уолли. – Вы обедали?
- Обедал? Я с вами уже два часа. Вы видели, как я обедал?
- Я проголодался. Справа от нас «Тако белл». Давайте туда заедем.
- Платите вы, верно?
- Верно.
- Я люблю «Тако белл».

Боуи заказал мягкие тако себе и лучшие буррито своему пассажиру. Пока они стояли в очереди, Боуи произнес:

– Я вот все думаю: что интересует этого парня в погребальных конторах? Не мое дело, конечно, но я работаю водителем уже восемнадцать лет и никогда не возил пассажира, который посещал бы все похоронные бюро в городе. Никогда еще не возил человека, у которого столько друзей, понимаете, о чем я?

– Вы правы в одном, – ответил Уолли, оторвавшись от очередной статьи, добытой Лайлом. – Это не ваше дело.

- Ух ты! Сразили меня наповал, да? А я думал, вы славный малый.
- Я юрист.

– Все хуже и хуже. Я просто шучу, знаете ли. Мой дядя – юрист. Полный придурок.

Уолли протянул Боуи двадцатидолларовую банкноту, тот взял пакет с едой и разделил ее. Уже на улице он запихал тако себе в рот и замолчал.

Глава 6

Рошель втайне читала любовный роман, когда на пороге послышались шаги. Она ловко спрятала книгу в мягкой обложке в ящик стола и переместила пальцы на клавиатуру, чтобы у вошедшего создалось впечатление, будто она усердно работает. На порог робко ступили мужчина и женщина, стреляя глазами по сторонам и почти дрожа от страха. Это не удивляло Рошель. Она видела тысячи клиентов, и в первый раз почти все они появлялись с хмурыми, исполненными подозрения лицами. А почему бы и нет? Они не пришли бы сюда, если бы не попали в беду, а для большинства это был первый визит в юридическую контору.

– Добрый день, – приветливо произнесла она.

– Мы ищем юриста, – сказал мужчина.

– Юриста по разводам, – уточнила женщина.

Рошель тут же поняла, что она уточняет все фразы мужа уже довольно долго и ему, вероятно, это надоело. Правда, обоим было за шестьдесят, а это поздновато для развода.

Рошель изобразила улыбку и указала на два ближайших стула:

– Пожалуйста, садитесь. Мне нужно записать ваши данные.

– А можно встретиться с юристом без предварительной записи? – поинтересовался мужчина.

– Думаю, да, – ответила Рошель.

Супруги попятились к стульям и сели, потом отодвинулись на стульях, подальше друг от друга. Развод может получиться неприятным, подумала Рошель. Она достала анкету и нашла ручку.

– Ваши имена, пожалуйста. Полностью.

– Кальвин Эй Фландер, – произнес он.

– Барбара Мэри Скабро Фландер, – сказала она. – Скабро – девичья фамилия, и, возможно, я возьму ее снова, пока не решила. Но со всем остальным мы уже определились и даже подписали соглашение о разделе совместно нажитого имущества, форму я нашла в Интернете, там все в порядке. – Женщина протянула большой запечатанный конверт.

– Она всего лишь попросила представиться, – заметил мистер Фландер.

– Я поняла.

– А она может вернуть свою прежнюю фамилию? То есть, понимаете, уже сорок два года она носит мою, и я не устаю повторять, что никто не поймет, кто она такая, если она опять станет Скабро.

– Это звучит куда лучше, чем Фландер, – парировала Барбара. – Фландер напоминает название какого-то городка в Европе или человека, который спит со всеми подряд, то есть фланирует от одной к другой, – фла-ни-ров-щик! Вам так не кажется?

Супруги уставились на Рошель, и та спокойно спросила:

– Есть несовершеннолетние дети в возрасте до восемнадцати лет?

Оба покачали головами.

– Двое взрослых, – ответила миссис Фландер, – и шесть внуков.

– Она про внуков не спрашивала, – сказал мистер Фландер.

– Ну а я, черт возьми, ей сказала, что из того?

Рошель удалось выудить у них даты рождения, адреса, номера карт социального страхования и сведения о работе, не доводя дело до ссоры.

– Так, по вашим словам, вы женаты уже сорок два года...

Фландеры с вызывающим видом кивнули.

Рошель подмывало спросить, в чем причина разрыва, что пошло не так и нельзя ли спасти брак, но ей хватило ума об этом промолчать. Пусть с этим разбираются юристы.

– Вы упомянули соглашение о разделе имущества. Полагаю, вы договорились о разводе без обвинений ввиду непримиримых противоречий.

– Именно, – подтвердил мистер Фландер. – И чем скорее, тем лучше.

– Мы вполне готовы, обо всем упоминается здесь, – сказала миссис Фландер, вцепившись в конверт.

– Вы говорите о доме, машинах, банковских и пенсионных счетах, кредитных картах, долгах, мебели и бытовых приборах? – уточнила Рошель.

– Да, – сказал он.

– Обо всем мы написали здесь, – кивнула миссис Фландер.

– И вас обоим соглашение устраивает?

– О да, – ответил супруг. – Мы проделали всю работу, и нам нужен только юрист, чтобы составить документы и пойти с нами в суд. Без всякой спешки.

– Только так и бывает, – произнесла Рошель голосом специалиста, умудренного опытом. – Я отведу вас к одному из наших юристов, чтобы обсудить детали. За развод без обвинений наша фирма берет семьсот пятьдесят долларов, причем половина суммы должна быть оплачена на первой консультации. Вторую половину необходимо внести в день суда.

Фландеры отреагировали по-разному. Миссис Фландер, не веря своим ушам, открыла рот, как будто Рошель потребовала 10 000 долларов наличными. Глаза мистера Фландера сузились, а лоб наморщился, как будто именно этого он и ждал: первоклассное вымогательство денег скользкими юристами. Никто не проронил ни слова, пока Рошель не поинтересовалась:

– Что-то не так?

Мистер Фландер прорычал:

– Что это, старая уловка заманить клиентов низкой ценой, которая тут же меняется? Эта фирма рекламирует услуги по сопровождению развода без обвинений за триста девяносто девять долларов, но, как только клиенты приходят к вам, вы удваиваете цену.

Рошель немедленно задалась вопросом, что Уолли натворил на этот раз. Он так активно рекламирует услуги фирмы всеми возможными способами и во всех возможных местах, что за ним невозможно уследить.

Мистер Фландер резко встал, рывком вытащил что-то из кармана и бросил это Рошель на стол.

– Взгляните, – сказал он.

Это была карточка для игры в бинго из Дома ветеранов иностранных войн номер 178 в парке Маккинли. Внизу красовалось ярко-желтое объявление с текстом: ««Финли энд Фигг», адвокаты. Развод без обвинений проще простого. 399\$. Звоните 773-718-ПРАВО».

Рошель удивлялась так много раз, что у нее уже должен был выработаться иммунитет. Но карточки для игры в бинго? Она видела, как потенциальные клиенты шарили в кошельках, и сумках, и карманах, чтобы достать церковный вестник, футбольную программку, лотерейный билет «Ротари-клуба», купон, – сотни всяких других маленьких образчиков пропагандистского материала, которыми адвокат Фигг засорял Большой Чикаго в глупом порыве расширить бизнес. И теперь он сделал это снова. Ей пришлось признать, что она действительно удивилась.

Прейскурант на услуги фирмы напоминал движущуюся мишень, и стоимость представления клиента менялась на лету в зависимости от клиента и ситуации. Хорошо одетая пара, приехавшая на машине последней модели, могла получить счет на 1000 долларов за развод без обвинений от одного юриста, а через час упрямый работяга со своей изможденной женой могли выторговать половину этой суммы у другого юриста. В ежедневные обязанности Рошель входило улаживание споров и трений по поводу гонораров.

Карточки для игры в бинго? Проще простого за 399 долларов? Оскар будет рвать и метать.

– Ладно, – спокойно произнесла она, как будто реклама на карточках для игр в бинго давно стала традиционной для их фирмы. – Мне нужно взглянуть на ваше соглашение о разделе имущества.

Миссис Фландер передала его. Рошель быстро просмотрела его и вернула.

– Позвольте я проверю, у себя ли мистер Финли, – попросила она. Карточку взяла с собой.

Дверь Оскара была закрыта, как всегда. В фирме неотступно следовали правилу закрытых дверей, которое позволяло юристам отгородиться друг от друга, уличного шума и всякого сброда, который отваживался к ним заходить. Со своего места у входа Рошель видела каждую дверь: Оскара, Уолли, кухни, туалета на нижнем этаже, комнаты для ксерокса и маленького захламленного помещения, где хранились разные вещи и документы. Она также знала, что юристы имели склонность тихо прислушиваться к ее речам сквозь закрытую дверь, когда она обхаживала потенциальных клиентов. У Уолли была боковая дверь, которую он использовал, чтобы ускользнуть от клиента, обещавшего большие проблемы, у Оскара – нет. Рошель знала, что он у себя за столом, а поскольку Уолли объезжал похоронные бюро, выбора у нее не было.

Она закрыла за собой дверь и положила карточку для игры в бинго на стол перед мистером Финли.

– Вы не поверите... – начала она.

– Что он устроил на этот раз? – поинтересовался Оскар, пробежав взглядом карту. – Триста девяносто девять долларов?

– Ага.

– Я думал, мы договорились, что пятьсот долларов – минимальный гонорар для развода без обвинений?

– Нет, сначала мы сошлись на цифре семьсот пятьдесят, потом – шестьсот, потом – тысяча, потом – пятьсот. Уверена, на следующей неделе мы договоримся о чем-нибудь еще.

– Я не буду вести развод за четыреста долларов. Я работаю юристом уже тридцать лет и не собираюсь опускаться до столь жалкого гонорара. Слышите меня, миз Гибсон?

– Я слышала это и раньше.

– Пусть Фигг этим занимается. Это его дело. Его карточка. А я слишком занят.

– Точно. Но Фигга здесь нет, а вы на самом деле не так уж заняты.

– Где он?

– Навещает покойников, совершает один из своих похоронных туров по городу.

– Какую схему он разработал на этот раз?

– Пока не знаю.

– Сегодня с утра на повестке дня были тазеры.

Оскар положил карточку бинго на стол и уставился на нее. Он покачал головой, пробормотал что-то себе под нос и спросил:

– Насколько извращенный ум должен иметь человек, чтобы у него зародилась мысль о рекламе на карточках бинго в фонде ветеранов?

– Настолько, насколько и у Фигга, – без колебаний ответила она.

– Возможно, мне придется его удушить.

– Готова помочь вам.

– Отправьте этот сброд к нему. Запишите их. Придут и позже. Возмутительно, когда люди думают, что могут просто прийти с улицы на встречу с юристом, пусть даже с Фиггом, без записи. Позвольте мне сохранить хоть какое-то достоинство, ладно?

– Ладно, у вас и так есть достоинство. Послушайте, у них есть кое-какое имущество и почти нет долгов. Им за шестьдесят, и дети давно выросли. Я бы предложила вам разделить их, переманить ее к себе и включить счетчик.

К 15.00 у Абнера снова стало тихо. Эдди каким-то образом испарился вместе с обеденной толпой, и Дэвид Зинк остался в баре один. Четверо мужчин средних лет напивались за отдельным столом, строя большие планы на рыбалку на альбулу¹⁰ в Мексике.

Абнер мыл стаканы в маленькой раковине у пивных краников. Он рассказывал о мисс Спенс.

– Ее последним супругом был Ангус Спенс. Ни о чем вам не говорит?

Дэвид покачал головой. В тот момент это ни о чем ему не говорило, таково было его состояние: свет горел, но дома никого не было.

– Ангус был никому не известным миллиардером. Ему принадлежал ряд месторождений поташа в Канаде и Австралии. Умер десять лет назад и оставил ей кучу денег. Она могла бы попасть в список «Форбс», но им не удается отследить все активы. Старик был слишком умен. Она живет в пентхаусе на озере, приходит сюда каждый день в одиннадцать, выпивает три «Перл-Харбора» на обед, уходит в пятнадцать минут первого, когда здесь становится многолюдно, и, наверное, отправляется домой отсыпаться.

– По-моему, она милая.

– Ей девяносто четыре.

– Она не оплатила счет.

– Мы не выписываем ей счета. Она отправляет мне по тысяче баксов каждый месяц. Ей нужен этот табурет, три коктейля и уединение. Я никогда раньше не видел, чтобы она с кем-то разговаривала. Считайте, вам повезло.

– Ей нужно мое тело.

– Что ж, вы знаете, где ее искать.

Дэвид сделал маленький глоток стаута¹¹ «Гиннесс». «Роган Ротберг» казался далеким воспоминанием. Насчет Хелен он не был так уверен, но на самом деле не особенно из-за этого переживал. Он решил чудесным образом напиться и насладиться моментом. Завтрашний день будет тяжелым, но он разберется с этим завтра. Ничто, абсолютно ничто, не могло помешать этому восхитительному погружению в забвение.

Абнер толкнул к нему через стол чашку кофе.

– Только что сварил.

Дэвид словно не услышал его. Он сказал:

– Так вы работаете по авансовому договору, да? Прямо как юридическая фирма. На что бы мог рассчитывать я за тысячу баксов в месяц?

– Судя по вашим темпам, тысячи не хватит. Вы звонили жене, Дэвид?

– Послушайте, Абнер, вы бармен, а не консультант по брачно-семейным отношениям. Для меня это большой день, день, который изменит мою жизнь навсегда. Я переживаю грандиозный провал, или катастрофу, или что-то подобное. Моя жизнь никогда больше не будет такой, как прежде, так что позвольте мне насладиться моментом.

– Я вызову вам такси, как только прикажете.

– Я никуда не собираюсь.

Для первых встреч с клиентами Оскар всегда надевал темный пиджак и поправлял галстук. Создание атмосферы имело большое значение, а юрист в темном костюме символизировал власть, знания и авторитет. Оскар твердо верил: в таком виде легче донести до клиента, что его работа стоит не дешево, хотя зачастую трудился как раз за жалкий гонорар.

Он изучал проект соглашения о разделе имущества, нахмурившись, как будто его составила пара идиотов. Фландеры сидели по другую сторону стола. Периодически они крутили

¹⁰ Вид лучепёрых рыб, их длина достигает 90–100 см, а вес – 8 кг.

¹¹ Пиво верхнего брожения. Отличается от светлого пива более резким вкусом.

головами, разглядывая «Эго-стену» – коллаж из фотографий в рамках с изображением мистера Финли, который улыбался и пожимал руки неизвестным знаменитостям. Там красовались и сертификаты, призванные показать, что мистер Финли надлежащим образом подготовлен и квалифицирован, и несколько памятных дощечек, которые ясно свидетельствовали о том, что он получил признание за долгие годы работы. Вдоль других стен высились полки, набитые серьезными толстыми юридическими книгами и трактатами; они еще больше убеждали, что мистер Финли знал свое дело.

– Какова стоимость дома? – спросил Оскар, не отрываясь от соглашения.

– Около двухсот пятидесяти, – ответил мистер Фландер.

– Думаю, даже больше, – добавила миссис Фландер.

– Сейчас не лучшее время продавать дом, – благоразумно заметил Оскар, хотя каждый домовладелец в Америке и так знал, что на рынке наблюдается спад. И вновь воцарилась тишина, пока мудрец изучал их труд.

Наконец он опустил бумаги и поверх очков для чтения из аптеки вперил взгляд в томящиеся от ожидания глаза миссис Фландер.

– Вы получаете стиральную и сушильную машины, микроволновую печь, беговую дорожку и «плоский» телевизор?

– Ну да.

– На самом деле еще вы, вероятно, получите восемьдесят процентов всей мебели, верно?

– Наверное. А что не так?

– Ничего, кроме того, что он получит гораздо больше денег.

– Думаю, это справедливо, – сказал мистер Фландер.

– Еще бы.

– А вы полагаете, это справедливо? – спросила она.

Оскар пожал плечами, как будто это было не его дело.

– Это весьма типичная ситуация, я бы сказал. Но наличные деньги куда важнее, чем тонна старой мебели. Вы, вероятно, переедете в квартиру значительно меньшего размера, и вам будет негде разместить свои старые вещи. А у него, напротив, будут лежать деньги в банке.

Она метнула злобный взгляд на своего почти-уже-бывшего супруга. Оскар напирал:

– И ваша машина на три года старше, чем у него, так что вы получаете старую машину и старую мебель.

– Это была его идея, – призналась она.

– Неправда. Мы об этом договорились.

– Ты потребовал для себя индивидуальный пенсионный счет и более новую машину.

– Потому что это всегда была моя машина.

– И потому, что из нас двоих у тебя всегда была лучшая машина.

– Это неправда, Барбара. Не преувеличивай, как ты всегда делаешь, ладно?

Барбара ответила громче:

– А ты не ври, находясь перед юристом, Кел. Мы договорились прийти сюда и говорить правду, а не ругаться. Разве не так?

– О, конечно, но как ты можешь сидеть здесь и утверждать, что у меня всегда была лучшая машина? Ты забыла о «тойоте-камри»?

– Боже правый, Кел, это было двадцать лет назад!

– Но это все равно считается.

– О да, я помню. И помню тот день, когда ты разбил ее.

Рошель, слыша их голоса, улыбалась. Она перевернула страницу любовного романа. Эй-Си, спавший подле нее, вдруг вскочил и тихо зарычал. Рошель посмотрела на него, потом медленно поднялась и подошла к окну. Она поправила занавески, чтобы улучшить обзор, а

потом до нее донесся звук – завывание сирены вдали. По мере ее приближения Эй-Си рычал все громче.

Оскар тоже подошел к окну и бросил небрежный взгляд на перекресток, надеясь, что там вот-вот промелькнет карета «скорой помощи». От этой привычки было слишком трудно избавиться, да он и не особенно хотел. Он и Уолли, а теперь еще и Рошель, как и, наверное, все юристы в городе, не могли подавить всплеск адреналина у себя в крови, слыша вой приближающейся «скорой помощи». А вид машины «скорой помощи», несущейся по улице, всегда вызывал у него улыбку.

Но Фландеры не улыбались. Они оба умолкли и теперь буравили его взглядами, пылая от ненависти друг к другу. Когда сирена стихла, Оскар вернулся на свое место и произнес:

– Послушайте, ребята, если вы собираетесь судиться, я могу представлять вас обоих.

Обоих подмывало взбрыкнуть. Выйдя на улицу, каждый из них мог отправиться своей дорогой и найти более серьезных юристов, но секунду-другую они колебались, не понимая, что делать дальше. Потом мистер Фландер моргнул. Он вскочил и направился к двери.

– Не беспокойтесь, Финли. Я найду себе настоящего юриста.

Он открыл дверь, захлопнул ее и протопал мимо Рошель и собаки, пока те устраивались на своих местах поудобнее. Распахнув парадную дверь, он с силой захлопнул ее и с радостью покинул «Финли энд Фигг» навсегда.

Глава 7

Счастливым час продолжался с пяти до семи, и Абнер решил, что его новый лучший друг должен уйти до того, как он начнется. Он вызвал такси, намочил чистое полотенце холодной водой, вышел из-за барной стойки и осторожно ткнул его.

– Дэвид, просыпайтесь, дружище, уже почти пять.

Дэвид находился в отключке уже около часа. А Абнер, как и все хорошие бармены, не хотел, чтобы нахлынувшая после рабочего дня толпа увидела пьяного посетителя, лежащего лицом на барной стойке в коматозном состоянии и заходящегося храпом. Абнер прикоснулся к его лицу полотенцем и сказал:

– Ну давайте, важная персона. Вечеринка закончилась.

Вдруг Дэвид очнулся. Его глаза и рот раскрылись, когда он уставился на Абнера.

– Что... что... что? – с запинкой произнес он.

– Уже почти пять. Пора домой, Дэвид. У входа вас ждет такси.

– Пять часов! – воскликнул Дэвид, потрясенный этим известием. В баре сидело полдюжины других любителей выпить, и все с сочувствием наблюдали за ним. Завтра на его месте могли оказаться они. Дэвид поднялся и с помощью Абнера умудрился надеть пальто и найти портфель.

– И долго я пробыл здесь? – спросил он, озираясь, как будто впервые оказался в этом баре.

– Долго, – ответил Абнер. Он положил визитку в карман пальто Дэвида и сказал: – Позвоните мне завтра, и мы договоримся по поводу оплаты счета.

Рука об руку они, пошатываясь, добрались до входной двери. Такси стояло у бордюра. Абнер открыл заднюю дверцу, с трудом усадил Дэвида на сиденье, сказал водителю:

– Теперь он в вашем распоряжении.

Дэвид посмотрел, как он скрылся в баре, взглянул на водителя и спросил:

– Как вас зовут?

Водитель пробормотал что-то нечленораздельное, и Дэвид рявкнул:

– Вы говорите по-английски?

– Куда поедет, сэр? – ответил водитель вопросом на вопрос.

– Что ж, это очень своевременный вопрос. Вы знаете какие-нибудь хорошие бары поблизости?

Водитель молча покачал головой.

– Я не готов ехать домой, потому что она там и все такое, Боже мой.

Потолок такси поплыл у Дэвида перед глазами. Сзади раздался громкий гудок. Водитель постепенно встраивался в поток.

– Не так быстро, – попросил Дэвид, закрыв глаза. Они ехали со скоростью десять миль в час. – Отправляйтесь на север.

– Мне нужен адрес, сэр, – произнес водитель, повернув на Саут-Дирборн. Наступил час пик, и поток машин уже двигался тяжело и медленно.

– Меня может стошнить, – объявил Дэвид, с трудом сглотнув и опасаясь открывать глаза.

– Только не в моей машине, пожалуйста.

Они то и дело останавливались и трогались на протяжении двух кварталов. Дэвиду удалось успокоиться.

– Вы назовете адрес, сэр? – повторил водитель.

Дэвид открыл левый глаз и посмотрел в окно. Рядом с такси оказался междугородний автобус, набитый усталыми служащими и извергавший клубы дыма. На его боку красовалось объявление размером три фута на один; оно рекламировало услуги адвокатов «Финли энд

Фигг». «Поймали пьяным за рулем? Позвони экспертам. 773–718-ПРАВО». Адрес был напечатан более мелким шрифтом. Дэвид открыл правый глаз, и на мгновение перед ним возникло довольное лицо Уолли Фигга. Он сосредоточился на слове «пьяный» и задался вопросом, могут ли они ему чем-то помочь. Видел ли он такие объявления раньше? Слышал ли об этих парнях? Он не был в этом уверен. Ничто не казалось ясным, ничто не имело определенности. Потолок такси опять закружился у него перед глазами, на этот раз быстрее.

– Четыреста восемнадцать на Престон-авеню, – скомандовал он водителю и отключился.

Рошель никогда не спешила уходить, потому что не хотела идти домой. Какая бы напряженная обстановка ни складывалась в офисе, там было гораздо спокойнее, чем в ее тесной квартире, где постоянно царил хаос.

Развод Фландеров начинался тяжело, но благодаря искусным манипуляциям Оскара дело сдвинулось. Миссис Фландер наняла фирму и оплатила предварительный гонорар в размере 750 долларов. В конечном счете они смогут договориться и проведут развод без обвинений, но этого не случится, пока Оскар не вытянет из нее еще пару тысяч. А пока Оскар дымил над карточкой для игры в бинго и ждал своего младшего партнера.

Уолли появился в 17.30 после изнурительного дня, который провел в поисках жертв крейкса. Поиск не выявил никого, кроме Честера Марино, но Уолли не утратил энтузиазма. Перед ним маячило великое дело. Клиенты уже ждали его, и он собирался их найти.

– Оскар говорит по телефону, – сказала Рошель. – И он расстроен.

– В чем дело? – поинтересовался Уолли.

– В появлении карточки для игры в бинго с разводом за триста девяносто девять баксов.

– Умно, да? Мой дядя играет в бинго в клубе ветеранов.

– Блестяще. – Она быстро рассказала ему о Фландерах.

– Вот видите! Сработало, – с гордостью заявил Уолли. – Главное – заманить их сюда, миз Гибсон, вот что я всегда говорю. Триста девяносто девять долларов – это наживка, а потом вы дергаете удочку. Оскар великолепно справился.

– Как насчет недобросовестной рекламы?

– По большей части мы только ею и занимаемся. Вы когда-нибудь слышали о крейксе? Лекарстве для снижения холестерина?

– Возможно. А что?

– Он убивает людей, если уж на то пошло, и он обогатит нас.

– Думаю, я уже слышала о нем. Оскар положил трубку.

Уолли направился напрямик к двери Оскара, постучал, тут же открыл и сказал:

– Я слышал, тебе понравилась моя реклама на карточках бинго.

Оскар стоял у стола с развязанным галстуком. Он явно испытывал необходимость выпить. Два часа назад он был готов к схватке, а теперь ему хотелось уйти.

– Да ладно, Уолли, мы уже для карточек бинго докатились.

– Да, мы – первая юридическая фирма в Чикаго, которая решила использовать карточки бинго.

– Мы были первыми уже несколько раз, но до сих пор на мели.

– Это уже в прошлом, мой друг. – Уолли потянулся к своему портфелю. – Ты когда-нибудь слышал о лекарстве для снижения холестерина под названием крейкс?

– Да, да, его принимает моя жена.

– Что ж, Оскар. Оно убивает людей.

Оскар улыбнулся и взял себя в руки.

– Откуда ты знаешь?

Уолли со свистом опустил стопку статей на рабочий стол Оскара.

– Вот твоя домашняя работа, здесь все о крейоксе. Большая фирма, которая специализируется на гражданских исках, на прошлой неделе подала в суд Форт-Лодердейла коллективный иск по поводу крейокса. Они утверждают, что лекарство значительно повышает риск сердечных приступов и инсультов, и у них есть эксперты, готовые подтвердить это. «Веррик» выпустила на рынок больше дерьма, чем все остальные крупные фармацевтические компании, и выплатила самые большие суммы за возмещение ущерба. Миллиарды. Похоже, крейокс – их последнее бесполезное детище. Ребята, специализирующиеся на массовых исках, как раз просыпаются. Это происходит сейчас, Оскар, и если мы урвем дюжину или больше дел о крейоксе, то разбогатеет.

– Я слышал это и раньше, Уолли.

Когда такси остановилось, Дэвид снова проснулся, хотя и пребывал в полубессознательном состоянии. Сделав над собой усилие, он сумел просунуть две двадцатидолларовые банкноты на переднее сиденье и, напрягшись еще больше, умудрился выползти из такси. Он убедился, что водитель отъехал, и тут его вырвало в сточную канаву.

Потом ему стало гораздо лучше.

Рошель как раз наводила порядок на столе и слушала перебранку партнеров, когда с порога до нее донесся звук тяжелых шагов. Нечто стукнуло в дверь, а потом распахнуло ее. Молодой человек с диким взглядом и красным лицом неуверенно стоял на ногах, но был хорошо одет.

– Чем могу вам помочь? – весьма настороженно спросила она.

Дэвид смотрел на Рошель, но не видел ее. Он огляделся, покачнулся и прищурился, стараясь сосредоточиться.

– Сэр? – произнесла она.

– Мне нравится это место, – сказал он. – Мне очень, очень нравится это место.

– Как мило. Могу я?..

– Я ищу работу, и вот где я хочу работать.

Эй-Си, почуяв неприятности, обогнул угол стола Рошель.

– Какая прелесть! – воскликнул Дэвид и захихикал. – Собака! Как его зовут?

– Эй-Си.

– Эй-Си. Точно. Здесь вы должны мне помочь. Как это расшифровывается?

– Охотник за «скорой помощью»¹².

– Мне нравится. Мне очень, очень это нравится. Он кусается?

– Не трогайте его.

Оба партнера тихо материализовались на месте действия. Они стояли у двери кабинета Оскара. Рошель бросила на них встревоженный взгляд.

– Вот где я хочу работать, – повторил Дэвид. – Мне нужна работа.

– Вы юрист? – спросил Уолли.

– А вы Фигг или Финли?

– Я Фигг. Он Финли. Вы юрист?

– Думаю, да. Сегодня в восемь утра я еще работал в фирме «Роган Ротберг», был одним из шестисот сотрудников. Но я это бросил, во мне что-то щелкнуло, я сломался и отправился в бар. Тяжелый выдался день. – Дэвид облокотился о стену, чтобы встать ровнее.

– С чего вы взяли, что мы ищем юриста? – спросил Оскар.

¹² В английском варианте собаку зовут АС от словосочетания Ambulance Chaser, дословно – «охотник за скорой помощью».

– Юриста? Я, скорее, думал о вступлении на таких условиях, чтобы сразу стать партнером, – произнес Дэвид, а потом скорчился от смеха. Остальные даже не улыбнулись. Они недоумевали, как поступить, но позже Уолли признался, что подумывал вызвать полицию.

Когда смех прекратился, Дэвид снова собрался и повторил:

– Мне очень нравится это место.

– Почему вы уходите из крупной компании? – спросил Уолли.

– О, по многим причинам. Скажу просто, что ненавижу работу, ненавижу людей, с которыми работаю, и ненавижу клиентов.

– Вы отлично вольетесь в наш коллектив, – заметила Рошель.

– У нас нет вакансий, – заявил Оскар.

– Да ладно вам! Я учился на юридическом факультете Гарварда. Готов работать на полставки, по пятьдесят часов в неделю, в два раза меньше, чем я работал раньше. Понимаете? На полставки! – Он опять засмеялся.

– Простите дружище, – извиняющимся тоном сказал Уолли.

Где-то недалеко просигналила машина: протяжный безумный звук возвещал о том, что все может кончиться исключительно плохо. Еще один водитель резко нажал на тормоз, и еще на целую секунду вся фирма «Финли энд Фигг» затаила дыхание. Звук столкновения, которое случилось потом, прозвучало громко, куда более выразительно, чем обычно, и стало очевидно, что на перекрестке Престон, Бич и Тридцать восьмой столкнулось несколько автомобилей. Оскар схватил пальто. Рошель – свитер. Они выбежали за Уолли через парадный вход, предоставив пьяницу самому себе.

Другие офисы вдоль Престон тоже опустели: юристы, клерки и их помощники бросились осматривать место происшествия и утешать раненых.

В аварии пострадало как минимум четыре машины, все были повреждены и разлетелись в разные стороны. Одна перевернулась на крышу, и у нее до сих пор крутились колеса. Во всей этой суматохе слышались крики, а в отдалении завывали сирены. Уолли подбежал к сильно покалеченному «форду». Дверца переднего пассажира была оторвана, и девочка-подросток пыталась выбраться из салона. Она была оглушена и испачкана кровью. Он взял ее под руку и увел подальше от разбитых машин. Рошель помогала, пока они усаживали девочку на ближайшую скамейку у автобусной остановки. Уолли вернулся на место бойни в поисках других клиентов. Оскар уже нашел свидетеля – человека, который поможет им вычислить виновного и таким образом привлечь клиентов. В «Финли энд Фигг» знали, как работать с дорожно-транспортными происшествиями.

Мать девочки сидела на заднем сиденье, Уолли помог и ей. Он довел женщину до автобусной остановки, где ее с распростертыми объятиями приняла Рошель. Появился Винс Голстон, их конкурент с другой стороны улицы, и Уолли заметил его.

– Держись подальше отсюда, Голстон! – рявкнул он. – Теперь это наши клиенты.

– Ничего подобного, Фигг. Они еще ничего не подписали.

– Держись подальше отсюда, осел.

Толпа собралась быстро: зеваки спешили на место происшествия. Образовалась пробка, и многие водители вылезали из машин посмотреть на происходящее.

Кто-то прокричал:

– Пахнет бензином! – И это тут же вызвало панику.

«Тойота» перевернулась вверх дном, и ее пассажиры отчаянно пытались вылезти. Крупный мужчина в сапогах пинал окно, но не мог его разбить. Люди кричали, визжали. Вой сирен слышался все ближе. Уолли кружил около «бьюика», водитель которого, похоже, потерял сознание. Оскар раздавал всем визитки.

И посреди всего этого хаоса вдруг прогремел голос молодого человека.

– Держитесь подальше от наших клиентов! – закричал он, и все обернулись посмотреть на него. Зрелище было потрясающее. Дэвид Зинк стоял у скамейки на автобусной остановке с большим зазубренным куском металла, отвалившимся от одного из автомобилей, и размахивал им перед лицом испуганного Винса Голстона, который пятился назад.

– Это наши клиенты! – в ярости воскликнул Дэвид. Не возникало сомнений, что этот человек, похожий на безумца, воспользуется своим оружием в случае необходимости.

Оскар подошел к Уолли и сказал:

– Похоже, у этого парня все-таки есть потенциал.

Уолли наблюдал за происходящим с невероятным восхищением.

– Давай возьмем его к себе.

Глава 8

Когда Хелен Зинк заехала на подъездную дорожку дома 418 по Престон-авеню, ей прежде всего бросилась в глаза не обшарпанность здания юридической фирмы «Финли энд Фигг», а мигающая неоновая вывеска по соседству с рекламой массажного салона. Она выключила фары, заглушила мотор и еще немного посидела, собираясь с мыслями. Ее супруг жив и здоров, и всего лишь пропустил «пару стаканов», по словам Уолли Фигга, весьма приятного человека, который позвонил час назад. Мистер Фигг «находился с ее супругом», что бы это ни значило. Цифровые часы на приборной панели показывали 20.20, значит, уже почти двенадцать часов она жутко переживала, недоумевая, где находится Дэвид и насколько это безопасно. Теперь, узнав, что он жив, она размышляла, как лучше его убить.

Хелен повертела головой, осматривая окрестности (ей крайне не понравилось все, что она увидела), потом вылезла из «БМВ» и медленно направилась к двери. Она расспросила мистера Фигга, как именно ее муж добрался из центра Чикаго до района синих воротничков вокруг Престон-авеню. Мистер Фигг сообщил, что всех подробностей не знает и лучше поговорить об этом позже.

Она открыла входную дверь. Задребезжал дешевый звонок. На нее зарычала собака, но напасть не попыталась.

Рошель Гибсон и Оскар Финли ушли. Уолли сидел за столом, вырезая некрологи из старых газет и ужиная пакетом чипсов и диетической содовой. Он быстро встал, вытер руки о штаны и широко улыбнулся.

– Вы, должно быть, Хелен, – сказал он.

– Да, это я. – Она едва не поморщилась, когда он протянул ей руку, чтобы поздороваться.

– А я Уолли Фигг, – представился он и начал ее разглядывать. Неплохо: короткие каштановые волосы, светло-карие глаза за большими очками в дизайнерской оправе, рост пять футов восемь дюймов, стройная, стильная. Уолли ее одобрил. Потом повернулся и помахал рукой в направлении заваленного бумагами стола. За ним, прямо у стены, стоял старый кожаный диван, а на диване спал Дэвид Зинк, вновь пребывавший в коматозном состоянии и потерянный для мира. На его правой брючине красовалась дыра – небольшое ранение после аварии и борьбы с ее последствиями, но в остальном он выглядел вполне прилично.

Хелен сделала пару шагов вперед и осмотрела его.

– Вы уверены, что он жив? – спросила она.

– О да, вполне уверен. Он ввязался в драку на месте катастрофы и порвал штаны.

– В драку?

– Ага. Парень по фамилии Голстон, слизняк с другой стороны улицы, пытался увести у нас клиентов после крупной аварии, а Дэвид прогнал его куском металла. При этом он каким-то образом умудрился порвать штаны.

Хелен, которая и так много пережила за один день, покачала головой.

– Хотите что-нибудь выпить? Кофе, вода, шотландское виски?

– Я не употребляю алкоголь, – отрезала она.

Уолли посмотрел на нее, потом на Дэвида, потом снова на нее. «Должно быть, это весьма странный брак», – подумал он.

– Я тоже, – гордо заявил он. – Вот свежий кофе. Я заварил кофейник для Дэвида, и он выпил две чашки, прежде чем задремал.

– За кофе спасибо, – сказала она.

Они устроились с кофе за столом и тихо заговорили.

– Я знаю только то, – начал Уолли, – что сегодня с утра в лифте в нем что-то щелкнуло. Он сломался, вышел из здания и оказался в баре, где почти целый день выпивал.

– Так я и думала. Но как он попал сюда?

– Этого я пока не выяснил, но должен сказать вам, Хелен, что, по его словам, в свою фирму он не вернется. Сказал, что хочет остаться и работать здесь.

Она с трудом сдерживалась, оглядывая большое, открытое, захламленное помещение. Трудно было вообразить место менее процветающее.

– Это ваша собака? – поинтересовалась Хелен.

– Это Эй-Си, собака фирмы. Он здесь живет.

– Сколько юристов у вас в фирме?

– Только два. Это «фирма-бутик». Я младший партнер. Оскар Финли – старший.

– И чем же здесь будет заниматься Дэвид?

– Мы специализируемся на делах о несчастных случаях и причинении смерти.

– Как все эти парни, которые рекламируют свои услуги по телевизору?

– Мы не даем рекламу на ТВ, – самодовольно заметил Уолли. Если бы она только знала.

Он все время писал сценарии. Он сражался с Оскаром, требуя выделить на это деньги. Он с завистью смотрел, как другие юристы по несчастным случаям заполняли эфир рекламными роликами, которые, по его мнению, почти всегда были плохо сделаны. И больше всего он горевал обо всех потерянных гонорарах и делах, которые урывали менее талантливые адвокаты, готовые рискнуть и выделить деньги из бюджета на телерекламу.

Дэвид издал булькающий звук, за которым последовал носовой храп, и хотя он издавал звуки, признаков, свидетельствующих о том, что он более или менее в сознании, не наблюдалось.

– Думаете, он вспомнит хоть что-то из этого утром? – спросила Хелен, хмуро взирая на супруга.

– Трудно сказать, – ответил Уолли. Его роман с алкоголем был долгим и отвратительным, и он провел не одно туманное утро, пытаясь вспомнить, что произошло накануне. Уолли отхлебнул кофе. – Послушайте, меня это не касается, но он часто это делает? Он говорит, что хочет работать здесь, и, что ж, нам нужно знать, есть ли у него проблема с бутылкой.

– Он не так часто выпивает. И никогда особенно не увлекался выпивкой. Иногда может пропустить стаканчик-другой на вечеринке, но он слишком много работает, чтобы злоупотреблять алкоголем. А поскольку я вообще к нему не прикасаюсь, дома мы его не держим.

– Мне просто любопытно. У меня были с этим проблемы.

– Жаль.

– Нет, все в порядке. Я не пью уже шестьдесят дней.

Хелен это не столько впечатлило, сколько обеспокоило. Уолли до сих пор сражался с бутылкой, и победа явно была еще далеко. Вдруг ее утомил разговор и вся эта обстановка.

– Полагаю, надо забрать его домой.

– Конечно. Или он может остаться здесь с собакой.

– Именно этого он и заслуживает. Хорошо бы он проснулся здесь на диване, в одежде, со страшной головной болью, расстройством желудка, пересохшим языком и не понял, где находится. Это пошло бы ему на пользу, вам не кажется?

– Да, только мне не хотелось бы снова за ним убирать.

– Он уже...

– Дважды. Один раз – на крыльце, второй – в туалете.

– Простите.

– Все в порядке. Но ему нужно домой.

– Я знаю. Давайте поднимем его.

Проснувшись, Дэвид мило поговорил с женой, как будто ничего не случилось. Он без посторонней помощи вышел из офиса, спустился по лестнице и добрался до машины. Он долго

прощался с Уолли и сердечно благодарил его, а потом даже предложил сесть за руль. Хелен не позволила ему. Они съехали с Престон и направились на север.

Пять минут они молчали. Потом Хелен небрежно начала:

– Послушай, думаю, мне в общих чертах известно об этапах твоего путешествия, но я хотела бы выяснить кое-какие подробности. Что это был за бар?

– «У Абнера». Он в паре кварталов от нашего офиса. – Дэвид сполз по сиденью вниз и поднял воротник пальто, так что он касался его ушей.

– Ты бывал там раньше?

– Нет, хотя это отличное место. Я тебя туда как-нибудь свожу.

– Разумеется. Почему бы не сделать это завтра? И в котором часу ты появился в «У Абнера»?

– Между семью тридцатью и восемью утра. Я улизнул из офиса, обежал пару кварталов и нашел этот бар.

– И начал пить?

– О да!

– Помнишь, что именно ты употреблял?

– Давай посмотрим. – Он сделал паузу, задумавшись. – На завтрак я проглотил четыре особых «Кровавых Мэри» от Абнера. Они очень хороши. Потом съел тарелку луковых колец и выпил несколько пинт пива. Появилась мисс Спенс, и я попробовал два ее «Перл-Харбора», но повторить это мне не хочется.

– Мисс Спенс?

– Да. Она появляется каждый день, сидит на одном и том же стуле, пьет один и тот же коктейль – порядок всегда один и тот же.

– И тебе она понравилась?

– Я просто пришел в восхищение. Она очень мила, горячая штучка.

– Понятно. Она замужем?

– Нет, вдова. Ей девяносто четыре, и у нее есть пара миллиардов.

– Другие женщины там были?

– О нет. Только мисс Спенс. Она ушла примерно в полдень, и... давай вспоминать дальше. На обед я съел гамбургер и картофель фри, потом вернулся к пиву, а потом на каком-то этапе вздремнул.

– Вырубился?

– Называй как хочешь.

Возникла пауза. Хелен вела машину, а Дэвид буравил взглядом лобовое стекло.

– И как ты добрался из бара до той юридической конторы?

– На такси. Заплатил парню сорок баксов.

– А где ты сел в такси?

Пауза.

– Этого я не помню.

– Мы уже делаем успехи. И главный вопрос: как ты нашел «Финли энд Фигг»?

Дэвид затряс головой, размышляя. Наконец он ответил:

– Понятия не имею.

Им многое предстояло обсудить. Пристрастие к алкоголю: могут ли с этим возникнуть проблемы (несмотря на то, что она сказала Уолли)? «Роган Ротберг»: собирается ли он возвращаться? Стоит ли ей цитировать ультиматум Роя Бартона? «Финли энд Фигг»: действительно ли он говорил о них серьезно? Много мыслей крутилось в голове у Хелен и много слов, и целый список жалоб, но вместе с тем все это забавляло ее. Она никогда не видела своего мужа в столь «размазанном» состоянии, и то, что он спрыгнул из высокого небоскреба в центре города и приземлился на окраине, скоро превратится в семейную байку, а скорее даже в легенду. Он

был цел и невредим, и только это на самом деле имело значение. И вероятно, он даже не сошел с ума. С этой «поломкой» можно справиться.

– У меня вопрос, – начал Дэвид, почувствовав, как его веки тяжелеют.

– А у меня куча вопросов, – ответила она.

– Уверен, что это так, но теперь говорить хочется мне. Оставь свои вопросы на завтра, когда я протрезвею, ладно? Несправедливо давить на меня сейчас, когда я пьян.

– Верно. О чем ты хотел спросить?

– Твои родители, случайно, не у нас дома в данный момент?

– У нас. И уже давно. Они очень переживают.

– Как трогательно. Послушай, я не хочу возвращаться домой, пока там сидят твои родители, ясно? Я не хочу показываться им в таком виде. Понятно?

– Они любят тебя, Дэвид. Ты всех нас напугал.

– Почему все так напуганы? Я отправил тебе два сообщения, написал, что все в порядке.

Ты знала, что я жив. К чему эта паника?

– Не заводи меня.

– У меня просто выдался плохой день, в чем проблема?

– Плохой день?

– На самом деле очень даже хороший день, если копнуть глубже.

– Почему бы нам не поспорить завтра, Дэвид? Разве ты не об этом просил?

– Да, но я не вылезу из машины, пока они не уедут.

Они ехали по скоростной трассе, и поток движения стал более плотным. Они молчали, медленно пробираясь вперед. Дэвид старался не уснуть. Наконец Хелен взяла мобильник и позвонила родителям.

Глава 9

Примерно раз в месяц Рошель Гибсон приезжала на работу, надеясь провести там свой обычный «час спокойствия», но офис был уже открыт, кофе сварен, собака накормлена, а взволнованный мистер Фигг суетливо ходит повсюду и обдумывает новую схему преследования пострадавших. Это невероятно раздражало Рошель, ибо не только лишало ее редких тихих моментов в череде обычно безумных дней, но и означало увеличение объема работы.

Едва она ступила через порог, Уолли сердечно сказал:

– Ну, доброе утро, миз Гибсон! – Как будто удивился, что в четверг она приехала на работу в 7.30.

– Доброе утро, мистер Фигг, – ответила Рошель с гораздо меньшим энтузиазмом. Она едва не добавила: «Что привело вас сюда в такую рань?» – но придержала язык. Вскоре она все равно узнает о его новой схеме.

С кофе, йогуртом и газетой Рошель устроилась за столом, пытаясь сделать вид, что не замечает его.

– Вчера вечером я познакомился с женой Дэвида, – прокричал Уолли через стол с другой стороны комнаты. – Очень симпатичная и милая. Сказала, что он почти не пьет, быть может, иногда теряет над собой контроль, но не более того. Думаю, периодически на нем сказывается давление. Мне знакома эта история. Вечно это давление...

Когда Уолли пил, он не нуждался в предлогах: заливал алкоголем вечер тяжелого дня, но и в легкий день не отказывался от вина за обедом. Он выпивал, когда переживал стресс, и выпивал на поле для гольфа. Рошель видела и слышала все это раньше. Она тоже считала вместе с ним: шестьдесят один день без выпивки. Так проходила вся жизнь Уолли: он вечно что-нибудь подсчитывал. Сколько дней прожито в трезвости. Сколько дней до отмены временного запрета водить автомобиль. Сколько дней отделяют его от окончательного оформления развода. И, как ни печально, сколько дней до того, как его отпустят из центра реабилитации.

– Когда она забрала его? – поинтересовалась Рошель, не отрывая взгляда от газеты.

– После восьми. Выйдя отсюда, он даже спросил, не позволит ли она ему сесть за руль. Она отказала.

– Она была расстроена?

– Нет, вполне спокойна. Скорее испытывала облегчение, чем что-либо еще. Главный вопрос кроется в том, вспомнит ли он что-нибудь. А если вспомнит, то найдет ли нас снова. Правда ли он уйдет из крупной фирмы и откажется от больших денег? У меня есть сомнения.

У Рошель тоже были сомнения, но ей хотелось поскорее закончить разговор. Контора «Финли энд Фигг» – неподходящее место для юриста, имеющего диплом Гарварда. И, откровенно говоря, она не хотела, чтобы ее жизнь еще больше осложнилась. Она и имевшимися двумя юристами была сыта по горло.

– Хотя мне он мог бы пригодиться, – продолжал Уолли, и Рошель уже знала, что он вот-вот расскажет о новой схеме. – Вы когда-нибудь слышали о лекарстве для снижения холестерина под названием крейокс?

– Вы уже спрашивали меня об этом.

– Он вызывает сердечный приступ и инсульт, и правда выяснилась только сейчас. Как раз идет первая волна разбирательств, и в суд могут быть поданы еще десятки тысяч дел, прежде чем все утихнет. Юристы по коллективным гражданским искам уже вцепились в эту историю. Вчера я говорил с крупной фирмой в Форт-Лодердейле. Они подали коллективный иск и ищут новые дела.

Рошель перевернула страницу, будто ничего не слышала.

– Как бы там ни было, я проведу следующие пару дней в поисках дел по крейоксу, и мне пригодилась бы помощь. Вы меня слушаете, миз Гибсон?

– Разумеется.

– Сколько имен в нашей базе клиентов, как активных, так и тех, что в архиве?

Положив в рот ложку йогурта, она приняла сердитый вид.

– У нас около двухсот активных дел, – ответила она.

Однако в «Финли энд Фигг» дело, считавшееся активным, не обязательно достаивалось внимания. Чаще оно представляло собой лишь забытое дело, которое никто не позаботился отправить в архив. За неделю Уолли обычно обрабатывал около тридцати дел: разводы, завещания, недвижимость, травмы, вождение в пьяном виде, мелкие споры по контрактам, а еще пятидесяти дел он всеми силами избегал. Оскар, который всегда был готов взять нового клиента и мог похвастаться большей организованностью, чем его младший партнер, вел около ста дел. Если добавить немногочисленные дела, которые пропали, потерялись или не получили должного обоснования, цифра всегда крутилась в районе двухсот.

– А в архиве?

Рошель отхлебнула кофе и опять заворчала:

– В последний раз, когда я проверяла, компьютер показал, что в 2001 году в архиве значилось три тысячи дел. Не знаю, что там наверху.

«Наверху» находило пристанище все, что угодно: старые книги по юриспруденции, древние компьютеры и текстовые процессоры, неиспользуемые офисные принадлежности и дюжины коробок с делами, которые Оскар отправил в архив до того, как принял Уолли в фирму в качестве партнера.

– Три тысячи, – повторил Уолли со счастливой ухмылкой, как будто столь внушительная цифра свидетельствовала о долгой и успешной карьере. – Вот каков наш план, миз Гибсон. Я составил проект письма, который вы должны напечатать на нашем бланке. Его нужно разослать всем клиентам, текущим и бывшим, активным и архивным. Каждому человеку из нашей базы данных.

Рошель подумала обо всех недовольных клиентах, которые вышли из дверей «Финли энд Фигг». Неоплаченные счета, отвратительные письма, угрозы засудить фирму за некомпетентность. Она даже завела папку под названием «Угрозы». За долгие годы примерно полдюжины рассерженных клиентов пришли в такую ярость, что излили свои чувства на бумагу. Пара из них обещала устроить засаду или пустить в ход кулаки. Один упомянул снайперскую винтовку.

Почему бы не оставить этих бедных людей в покое? Они и так достаточно пострадали, когда впервые переступили порог этого офиса.

Уолли вскочил и подошел к ней с письмом. Рошели оставалось только одно: взять и прочитать его.

Уважаемый _____!

Будьте осторожны при приеме крейокса! Было доказано, что этот препарат для снижения уровня холестерина производства «Веррик лабз» может вызвать сердечный приступ и инсульт. Хотя в аптеках он продается уже шесть лет, ученые лишь сейчас обнаружили смертельные побочные эффекты этого лекарства. Если Вы принимаете крейокс, немедленно откажитесь от него.

Юридическая фирма «Финли энд Фигг» выступает на передовой в судебном разбирательстве по крейоксу. Вскоре мы присоединимся к национальному коллективному иску, который ставит перед собой весьма непростую цель – привлечь «Веррик» к ответственности.

Нам нужна Ваша помощь! Если Вы или кто-либо из Ваших знакомых сталкивался с крейоксом, можете подать в суд. Еще лучше, если Вы знаете

кого-то, кто принимал крейокс и заработал сердечный приступ или инсульт, тогда немедленно позвоните нам. Юрист из «Финли энд Фигг» в считанные часы приедет к Вам домой.

Не сомневайтесь. Звоните сейчас. Мы рассчитываем отсудить внушительную компенсацию.

*С уважением,
Уоллис Т. Фигг.*

- А Оскар это видел? – спросила Рошель.
- Пока нет. Отлично, правда?
- Это все так и есть?
- О да, миз Гибсон. Это величайший момент для нас.
- Очередная золотая жила?
- Больше, чем золотая жила.
- И вы хотите, чтобы я разослала три тысячи писем?
- Да, вы их напечатаете, я подпишу, мы разложим их по конвертам, и они уйдут с сегодняшней почтой.
- Почтовые расходы обойдутся не меньше чем в тысячу долларов.
- Миз Гибсон, в среднем дело о крейоксе может принести около двухсот тысяч долларов гонорара, и это при наихудшем исходе. А можно заработать даже четыреста тысяч на каждом деле. Если мы найдем десять пострадавших, несложно подсчитать прибыль.

Рошель подсчитала, и ее нежелание участвовать в этом исчезло. Она задумалась. Во всех адвокатских журналах и информационных материалах, которые попадали к ней на стол, она видела тысячи историй о больших вердиктах и больших компенсациях. Юристы получали миллионные гонорары.

Уж конечно, ей тоже выпишут неплохую премию.

– Хорошо, – сказала Рошель, отбросив газету.

Прошло немного времени, прежде чем Оскар и Уолли поссорились из-за крейокса второй раз. Приехав в 9.00, Оскар не мог не заметить суету вокруг стола в приемной. Рошель сидела за компьютером. Принтер работал на полную мощность. Уолли подписывал письма. Даже Эйс Си проснулся и наблюдал за происходящим.

- Что случилось? – осведомился Оскар.
- Это шум механизмов работающего капитализма, – весело ответил Уолли.
- Что, черт возьми, это значит?
- Защита прав пострадавших. Обслуживание наших клиентов. Очистка рынка от опасных продуктов. Привлечение корпоративных нарушителей к ответственности.
- Беготня за машинами «скорой помощи», – добавила Рошель.

На лице Оскара отразилось презрение, он пошел к себе в кабинет, а потом с силой захлопнул дверь. Прежде чем он успел снять пальто и поставить зонт, у его стола возник Уолли, уплевающий кекс и размахивающий письмом.

– Ты должен прочитать, Оскар. Это великолепно.

Оскар начал читать, и морщины на его лбу становились все глубже и глубже с каждым новым абзацем. Закончив, он спросил:

- Да ладно, Уолли, неужели опять? Сколько таких писем вы рассылаете?
- Три тысячи. Всем, кто в нашей клиентской базе.
- Что? Подумай о почтовых расходах. Подумай о потраченном времени. Опять мы пришли к тому же самому. Ты весь следующий месяц будешь бегать вокруг и щебетать: «Крейокс – то, крейокс – это!» – и потратишь сотню часов на поиск бесполезных дел и тому подобную чушь. Мы уже проходили это, Уолли. Перестань. Сделай что-нибудь продуктивное.

– Что, например?

– Например, погуляй рядом с кабинетом неотложной помощи в какой-нибудь больнице и подожди, пока не появится реальное дело. Мне не нужно объяснять тебе, как найти хорошее дело.

– Я устал от этого дерьма, Оскар. Я хочу заработать немного денег. Давай сыграем по-крупному ради разнообразия.

– Моя жена принимает это лекарство уже два года. И ей оно нравится.

– Ты сказал ей, чтобы она перестала его пить, поскольку оно убивает людей?

– Разумеется, нет.

Едва они заговорили на повышенных тонах, Рошель неслышно подошла к двери кабинета Оскара и тихо закрыла ее. Она возвращалась к столу, когда входная дверь внезапно открылась. На пороге стоял Дэвид Зинк, радостный и трезвый, с широкой улыбкой, в строгом костюме, кашемировом пальто и двумя портфелями, разбухшими от документов.

– Ну-ну, неужели это мистер Гарвард пожаловал? – проговорила Рошель.

– Я вернулся.

– Удивительно, как вам удалось найти нас.

– Это было нелегко. Где мой кабинет?

– Что ж, давайте посмотрим. Не уверена, что он у нас есть. Наверное, нужно спросить об этом двух наших боссов. – Она кивнула на дверь Оскара, за которой слышались голоса.

– Так они там? – спросил Дэвид.

– Да, у них рабочий день, как правило, начинается с ссоры.

– Понятно.

– Послушайте, Гарвард, вы вполне уверены в том, что делаете? Это другой мир. Вы ведь идете на понижение, отказываясь от шикарной жизни корпоративного юриста ради низшей лиги. Здесь вы можете пострадать и уж точно не заработаете много денег.

– Я уже имею опыт работы в крупной фирме, миз Гибсон, и скорее спрыгну с моста, чем вернусь туда. Дайте мне где-то разместиться, и я со всем разберусь.

Дверь открылась. И появились Уолли с Оскаром. Они застыли на месте, увидев Дэвида у стола Рошель. Уолли улыбнулся и сказал:

– Ну, доброе утро, Дэвид. У вас удивительно здоровый вид.

– Спасибо. И я хочу извиниться за мое вчерашнее поведение. – Кивнув всем троим, он заговорил: – Вы застали меня в конце весьма необычного эпизода, тем не менее это был очень важный день в моей жизни. Я ушел из крупной фирмы, и вот я здесь и готов к работе.

– Как вы себе эту работу представляете? – поинтересовался Оскар.

Дэвид пожал плечами:

– Последние пять лет я трудился на поприще андеррайтинга облигаций и специализировался на втором и третьем уровнях выпуска на вторичный рынок. Главным образом для многонациональных иностранных корпораций, которые избегают уплаты налогов где бы то ни было. Если вы понятия не имеете, что это такое, не волнуйтесь. Этого никто не знает. Это означает только то, что небольшая команда из нас, идиотов, работала по пятнадцать часов в кабинете без окон, производя документы, огромное количество документов. Я никогда не был внутри зала суда и не видел здания суда, если уж на то пошло, никогда не встречал судью в черной мантии, никогда не пожимал руку человеку, которому нужен настоящий юрист. А на ваш вопрос, мистер Финли, отвечу так: я здесь затем, чтобы заниматься чем угодно. Относитесь ко мне как к новичку, который только что окончил юридический факультет и не может отличить собственную задницу от норы в земле. Зато я быстро учусь.

Далее следовало обсудить вопрос заработной платы, но партнеры не желали обсуждать финансы в присутствии Рошель. Она, разумеется, заняла бы такую позицию: любой, кого бы они ни наняли, юрист или другой специалист, должен получать меньше ее.

– Есть место наверху, – сказал Уолли.

– Я его займу.

– Там хранилище мусора, – заметил Оскар.

– Я его займу, – повторил Дэвид и поднял два портфеля, приготовившись заезжать.

– Я сто лет туда не поднималась, – вставила Рошель, закатив глаза, явно недовольная внезапным расширением фирмы.

Узкая дверь рядом с кухней выходила на лестницу. Дэвид последовал за Уолли, Оскар замыкал шествие. Уолли пришел в восторг от того, что появился человек, который поможет ему быстрее найти дела по крейоксу. Оскар думал лишь о том, сколько они потратят на его зарплату, удержание налогов, отчисления в фонд занятости и, Боже упаси, медицинскую страховку. «Финли энд Фигг» не могли предложить особых преимуществ: ни зарплаты в размере четырехсот одной тысячи, ни индивидуального пенсионного счета, ни личной пенсионной программы, а также никакой программы по медицинскому и стоматологическому обслуживанию. Рошель досадовала по этому поводу уже много лет, потому что ей приходилось покупать полис самой, как и обоим партнерам. Что, если молодой Дэвид рассчитывает на медицинскую страховку?

Поднимаясь по лестнице, Оскар ощутил, как растет бремя накладных расходов. Потратить больше на офис значило унести меньше домой. Перспектива выхода на пенсию отодвинулась еще дальше.

Хранилище мусора полностью соответствовало своему названию: это была темная пыльная свалка, заросшая паутиной и заваленная старой мебелью и коробками с делами.

– Мне здесь нравится, – заявил Дэвид, когда Уолли включил свет.

Должно быть, он сумасшедший, подумал Оскар.

Зато там нашелся маленький рабочий стол и пара стульев. Дэвид обращал внимание только на потенциал. А в помещении было еще и два окна. Солнечный свет станет прекрасным дополнением к его новой жизни. А когда снаружи стемнеет, он уже будет дома с Хелен работать над пополнением семьи.

Оскар смахнул рукой паутину и сказал:

– Послушайте, Дэвид, мы можем предложить небольшое жалованье, но вам придется самому зарабатывать гонорар. А это будет нелегко, по крайней мере поначалу.

Поначалу? Оскар уже тридцать лет с невероятным трудом урывал даже самые жалкие гонорары.

– И каково ваше предложение? – поинтересовался Дэвид.

Оскар взглянул на Уолли, а Уолли уставился в стену. За пятнадцать лет им обоим не приходилось нанимать юриста, да они об этом и не думали. Так что Дэвид застал их врасплох.

Как старший партнер, Оскар ощутил необходимость взять инициативу в свои руки.

– Мы можем платить вам по тысяче долларов в месяц, и вы будете оставлять себе половину денег, заработанных вами лично. Через полгода мы можем пересмотреть условия.

Уолли поспешил вставить:

– Сначала будет нелегко, у нас много конкурентов на этой улице.

– Но кое-какие дела мы можем вам подбросить, – добавил Оскар.

– Мы позволим вам участвовать в судебном разбирательстве по крейоксу, – сообщил Уолли так, будто на их банковские счета уже пришли огромные суммы.

– В чем? – не понял Дэвид.

– Не обращайтесь внимания, – нахмурился Оскар.

– Послушайте, ребята, – улыбнулся Дэвид, чувствуя себя гораздо комфортнее, чем они, – за последние пять лет я неплохо заработал. Я много потратил, но в банке еще осталась внушительная сумма. Не беспокойтесь обо мне. Я принимаю ваше предложение. И лучше на ты. – С этими словами он пожал руку сначала Оскару, потом Уолли.

Глава 10

Дэвид убирал целый час, вытирая пыль со стола и стульев. Обнаружив на кухне старый «Хувер», пропылесосил дощатые полы. Он собрал три больших пакета мусора и вынес их на маленькое крыльцо у запасного входа. Иногда Дэвид останавливался, любуясь окнами и солнцем, чего никогда не делал в «Рогане Ротберге». Разумеется, в ясный день вид на озеро Мичиган открывался великолепный, но за первый год работы в фирме он усвоил: за час, проведенный у окна Траст-тауэр, нельзя выставить счет. Новоиспеченных юристов распределяли по комнаткам, напоминая бункеры, и они круглосуточно трудились, забыв о солнечном свете и разучившись мечтать. Теперь Дэвид не отрывался от окна, хотя вид был, конечно, не таким великолепным. Посмотрев вниз, Дэвид увидел массажный салон, а за ним – перекресток Престон, Бич и Тридцать восьмой, то самое место, где он угрожал куском металла слизняку Голстону и прогнал его. За перекрестком раскинулся квартал перестроенных бунгало.

Не бог весть какой вид, но Дэвиду он нравился, ибо олицетворял волнующие перемены в его жизни, новые задачи. И еще означал свободу.

Уолли забегал каждые десять минут, чтобы узнать, как дела. И стало очевидно: он что-то затевал. Наконец, через час Уолли сказал:

– Послушай, Дэвид, в одиннадцать я должен быть в суде. В суде по разводам. Едва ли ты когда-нибудь там бывал, поэтому не хочешь ли отправиться со мной? Я познакомлю тебя с судьей.

Уборка уже надоела Дэвиду, и он согласился.

– Пойдем.

Когда они выходили через заднюю дверь, Уолли спросил:

– Это твой внедорожник «ауди»?

– Мой.

– Не возражаешь, если тебе придется порулить? А я буду развлекать тебя разговорами.

– Нет, конечно.

Когда они выезжали на Престон, Уолли признался:

– Знаешь, Дэвид, год назад меня застали за вождением в нетрезвом виде и временно лишили прав. Ну вот, я это сказал. Я верю в честность.

– Ладно. Ты уж точно видел меня в пьяном виде.

– Однозначно. Но твоя симпатичная жена сказала мне, ты не особенно часто выпиваешь. А вот у меня длинный послужной список. Я сохраняю трезвость уже шестьдесят один день. Каждый день – это испытание. Я хожу на встречи «Анонимных алкоголиков» и пару раз лежал в центре реабилитации. Что еще ты хочешь узнать?

– Заметь, не я начал этот разговор.

– Оскар каждый вечер выпивает что-нибудь крепкое. Поверь мне, с его-то женой без этого не обойтись. Но у него все под контролем. Есть такие люди, знаешь ли. Они могут остановиться на двух-трех стаканах. Они могут пропустить пару дней, даже недель, без проблем. А другие не могут остановиться, пока не вырубятся, примерно как ты вчера.

– Спасибо, Уолли. Куда мы, кстати, направляемся?

– В Центр имени Дейли¹³, в деловую часть города, дом пятьдесят по улице Вест-Вашингтон. А я пока нормально справляюсь. Я бросал уже четыре или пять раз, знаешь?

– Откуда мне это знать?

– Как бы там ни было, пора завязывать с выпивкой.

– А что не так с женой Оскара?

¹³ Ричард Дейли – мэр Чикаго с 1988 по 2011 г.

Уолли присвистнул и на мгновение выглянул из окна.

– Суровая женщина, старик. Одна из тех, кто вырос в хорошем районе. Ее отец ходил на работу в костюме с галстуком, а не в форме, поэтому в ней воспитали убеждение, что она лучше многих. Воплощение снобизма. Она совершила свою главную ошибку, когда вышла замуж за Оскара, решив, будто он юрист, верно? Юристы зарабатывают много денег, верно? Не совсем. Оскар никогда не зарабатывал столько, чтобы это удовлетворяло, и она бесконечно долбит его, требуя больших денег. Ненавижу эту женщину. Тебе не удастся с ней познакомиться, потому что она отказывается переступить порог офиса, что вполне меня устраивает.

– Почему бы им не развестись?

– Я твержу об этом уже много лет. Боже мой, да у меня никогда не было проблем с разводом. Я четыре раза через это проходил.

– Четыре раза?

– Да, и каждый раз это того стоило. Знаешь, как говорят: развод так дорог, потому что он того стоит. – Уолли усмехнулся над этой избитой шуткой.

– А сейчас ты женат? – осторожно поинтересовался Дэвид.

– Нет, я снова в поиске, – так самодовольно ответил Уолли, будто теперь любая могла попасться в его капкан. Дэвид не представлял менее привлекательного мужчину, который знакомится с дамами в баре и на вечеринках. Так, меньше чем за пятнадцать минут, он узнал, что Уолли – выздоравливающий алкоголик с четырьмя бывшими женами, несколькими «визитами» в реабилитационный центр и по крайней мере одним лишением прав за вождение в нетрезвом виде. Дэвид не имел желания задавать еще какие-то вопросы.

За завтраком с Хелен он немного порылся в Интернете и узнал, что: 1) десять лет назад «Финли энд Фигг» выплачивали компенсацию по иску о сексуальном домогательстве их бывшей секретарше; 2) однажды коллегия адвокатов штата сделала Оскару выговор за выставление слишком большого счета клиенту за дело о разводе; 3) до этого коллегия адвокатов штата делала выговоры Уолли за «возмутительную вербовку» клиентов, пострадавших в автомобильных авариях, включая отвратительный случай с участием Уолли, когда тот в докторском халате ворвался в палату израненного тинейджера, который умер час спустя; 4) по крайней мере четверо бывших клиентов подавали на фирму в суд за некомпетентность, хотя было непонятно, получили ли они какую-то компенсацию; и 5) фирму язвительно упомянул в статье о профессиональной адвокатской этике некий профессор, которому до смерти надоела реклама юристов. И все это только за завтраком.

Хелен встревожилась, но Дэвид, избрав жесткую и циничную тактику, заявил, что такое неоднозначное поведение и близко не стояло с беспощадным правом, практикуемым добрыми парнями «Рогана Ротберга». Достаточно было вспомнить дело о Стрик-ривер, чтобы выиграть спор. Эту реку в Висконсине постоянно загрязняла одна печально известная химическая компания, интересы которой представляла фирма «Роган Ротберг». После нескольких десятилетий судов и мастерских юридических перепалок выбросы продолжились.

Уолли копался у себя в портфеле.

Вдали появились очертания делового квартала, и Дэвид посмотрел на высокие величественные здания, расположившиеся на главных улицах Чикаго. Траст-тауэр стояла в центре.

– Я мог бы сейчас сидеть там, – тихо проговорил он, как бы обращаясь к себе. Уолли поднял глаза, увидел строения на горизонте и понял, о чем думает Дэвид.

– В каком именно? – спросил Уолли.

– В Траст-тауэр.

– А я как-то летом сидел в Сирс-тауэр клерком, после второго курса юрфака. В «Мартин энд Уилер». И думал, что этого и хочу.

– И что случилось?

– Провалил экзамен на адвоката.

Дэвид добавил это к растущему списку недостатков.

– Ты ведь не будешь скучать, правда? – спросил Уолли.

– Нет, меня прошибает пот от одного взгляда на это здание. Даже приближаться к нему не хочу.

– Поворачивай налево на Вашингтон. Мы почти на месте.

В центре Ричарда Дейли они миновали рамки-металлоискатели и поднялись на лифте на шестнадцатый этаж. Здесь толпились юристы, тяжущиеся стороны, клерки и копы, они либо суетились, либо собирались небольшими группками и вели серьезные разговоры. Правосудие объединяло всех присутствующих, но казалось, они боятся его.

Не зная, куда направляется и что будет делать, Дэвид держался поближе к Уолли, который чувствовал себя как дома. Дэвид нес в руках портфель, где лежал только большой блокнот для юридических записей. Они проходили мимо залов заседаний.

– Ты что, правда, никогда не был в зале суда? – спросил Уолли, когда они быстро шагали вперед, шелкая каблуками по потертой мраморной плитке.

– Нет, со времен учебы на юрфаке.

– Невероятно. И чем ты занимался последние пять лет?

– Лучше тебе не знать.

– Уверен, на этот счет ты абсолютно прав. Нам сюда. – Уолли указал на тяжелые двери зала суда. На табличке было написано: «Окружной суд округа Кук – отделение по разводам, почтенный Чарлз Брэдбери».

– Кто такой Брэдбери? – спросил Дэвид.

– Сейчас с ним познакомишься.

Уолли открыл дверь, и они вошли. На скамейках поодаль друг от друга сидели несколько зрителей. Юристы разместились впереди: они ждали со скучающим видом. Стул свидетеля пустовал, судебный процесс был отнюдь не в разгаре. Судья Брэдбери изучал какой-то документ и явно не торопился. Дэвид и Уолли сели во втором ряду. Уолли осмотрел зал суда, увидел клиента, улыбнулся и кивнул.

Он шепнул Дэвиду:

– Сегодня день открытых дверей в отличие от дня слушания. То есть можно удовлетворить ходатайство, получить одобрение по текущим вопросам и все такое. Вон та дама в коротком желтом платье – наша любимая клиентка, Диана Наксхолл надеется получить очередной развод.

– Очередной? – Дэвид оглянулся, и Диана подмигнула ему. Крашенная блондинка с огромной грудью, ноги растут из-под мышек.

– Я уже делал это однажды. Это будет второй раз. Думаю, и до этого она разводилась.

– Похожа на стриптизершу.

– Меня уже ничем не удивишь.

Судья Брэдбери подписал какие-то бумаги. Юристы подошли к скамье, поговорили с ним, получили то, что хотели, и ушли. Прошло пятнадцать минут, и Уолли заволновался.

– Мистер Фигг, – произнес судья.

Уолли и Дэвид миновали столы и барьер, отделяющий судью от зала, и приблизились к скамье, той самой, низкой, которая позволяла юристам почти с глазу на глаз беседовать с ним. Судья Брэдбери отодвинул микрофон, чтобы они могли поболтать, не рискуя быть услышанными.

– В чем дело? – спросил он.

– У нас новый юрист, ваша честь, – гордо сообщил Уолли. – Познакомьтесь с Дэвидом Зинком.

Дэвид потянулся вперед и пожал руку судье, и тот тепло его поприветствовал.

- Добро пожаловать в мой зал суда, – сказал он.
- Дэвид работал в крупной фирме в центре города. Теперь хочет увидеть истинное лицо правосудия, – объяснил Уолли.
- У Фигга вы многому не научитесь, – усмехнулся Брэдбери.
- Он учился на юридическом факультете Гарварда, – продолжил Уолли еще более гордо.
- Тогда что вы здесь делаете? – Судья принял пугающе-серьезный вид.
- Я сыт по горло крупными фирмами, – признался Дэвид.
- Уолли передал судье какие-то бумаги.
- У нас тут небольшая проблема, ваша честь. Моя клиентка – симпатичная Диана Наксхолл, в четвертом ряду слева, в желтом платье.
- Брэдбери взглянул на нее поверх очков для чтения.
- Она мне знакома.
- Ага, она была здесь год назад, разводилась во второй или третий раз.
- В том же самом платье, кажется.
- Мне тоже так кажется. Платье то же, а грудь новая.
- Вам удалось за нее подержаться?
- Пока нет.
- Дэвиду стало плохо. Судья и адвокат обсуждали секс с клиентом в суде, пусть даже никто их и не слышал!
- В чем проблема? – спросил Брэдбери.
- Я не получил гонорар. Она должна нам три сотни баксов, и я не могу выжать из нее эти деньги.
- В каких местах вы ее выжимали?
- Ха-ха. Она отказывается платить, господин судья.
- Уолли повернулся и поманил к себе миз Наксхолл. Она встала, выбралась из-за скамеек и прошла вперед. Юристы умолкли. Двое приставов проснулись. Зрители широко раскрыли глаза. Платье стало еще короче, когда она поднялась, а ее босоножки на платформе с шипами вогнули бы в краску даже уличную проститутку. Дэвид отодвинулся подальше, когда она приблизилась к судейскому месту.
- Судья Брэдбери притворился, что не замечает ее, слишком занятый изучением дела.
- Обычный развод без обвинений, верно, мистер Фигг?
- Все правильно, ваша честь, – ответил Уолли.
- Все в порядке?
- Да, кроме одного маленького вопроса – моего гонорара.
- Я только что это заметил, – нахмурился Брэдбери. – Похоже, для ровного счета не хватает трехсот долларов, верно?
- Все правильно, ваша честь.
- Брэдбери устремил взгляд поверх очков сначала на грудь, потом на лицо Дианы.
- Вы готовы заплатить гонорар, миз Наксхолл?
- Да, ваша честь, – писклявым голосом ответила она. – Но придется подождать до следующей недели. Понимаете, я выхожу замуж в эту субботу и не могу отдать эти деньги сейчас.
- Переводя взгляд с ее груди на лицо и обратно, Брэдбери произнес:
- По опыту в бракоразводных делах я знаю, что гонорары никогда не выплачиваются, если дело уже закрыто. Надеюсь, к моим адвокатам отнесутся с уважением и оплатят их услуги, прежде чем я подпишу решение. Какова общая сумма гонорара, мистер Фигг?
- Шестьсот долларов. Половину она внесла в качестве аванса.
- Шестьсот? – Брэдбери изобразил удивление. – Это очень недорого, миз Наксхолл. Почему вы до сих пор не заплатили адвокату?
- Ее глаза увлажнились.

Юристы и зрители не слышали подробностей, но не отводили глаз от Дианы, особенно от ее ног и босоножек. Дэвид отодвинулся еще дальше, пораженный таким вымогательством в суде.

Брэдбери перешел в наступление и чуть повысил голос:

– Я не приму решение о разводе сегодня, миз Наксхолл. Сначала заплатите юристу, потом я подпишу бумаги. Вам это понятно?

Она вытерла щеки.

– Пожалуйста...

– Простите, но я настаиваю, чтобы все обязательства должным образом исполнялись: выплата алиментов, пособий на ребенка, гонораров юристам. Это лишь триста долларов. Займите у вашего друга.

– Я пыталась, ваша честь, но...

– Избавьте меня от этого. Я постоянно это слышу. Вы свободны.

Она повернулась и пошла прочь. Брэдбери проводил ее плотоядным взглядом. Уолли тоже наблюдал за Дианой, изумленно качая головой. Казалось, он был готов наброситься на нее. Когда дверь закрылась, по залу суда пронесся вздох облегчения. Судья Брэдбери отпил воды и спросил:

– Что-нибудь еще?

– Есть одно дело, господин судья. Джоанни Бреннер. Развод без обвинений, полный раздел совместно нажитого имущества, детей нет, и, что самое главное, гонорар мне выплачен полностью.

– Давайте ее сюда.

– Не уверен, что смогу вести дела о расторжении брака, – признался Дэвид. Они уже вышли на улицу и пробирались вперед через полуденную толпу, оставив центр Дейли позади.

– Прекрасно! Ты впервые побывал в суде, провел там меньше часа и уже определяешь направления своей практики, – ответил Уолли.

– И многие судьи поступают так же, как Брэдбери?

– Как? Ты о том, что он защищает юристов? Нет, многие судьи забыли о том, каково это – сидеть в окопах. Едва наденут черную мантию, сразу забывают об этом. Брэдбери другой. Он помнит, каких негодяев мы представляем.

– И что произойдет теперь? Диана получит развод?

– Она заедет в офис сегодня днем с полной суммой, и в пятницу мы получим решение о разводе. В субботу она выйдет замуж, а через шесть месяцев или около того потребует очередного развода.

– И все же, думаю, я не гожусь для работы по разводам.

– О, это и правда дерьмо. Девяносто процентов всего, что мы делаем, – дерьмо. Мы беремся за самую низкооплачиваемую ерунду, чтобы оплатить накладные расходы, и мечтаем о большом деле. Но вчера вечером, Дэвид, я уже не мечтал, и скажу тебе почему. Ты когда-нибудь слышал о лекарстве под названием крейокс для снижения уровня холестерина?

– Нет.

– Что ж, услышишь. Он косит людей налево и направо и, несомненно, вызовет очередную волну коллективных исков. Так что мы должны успеть урвать кусок пирога. Куда ты направляешься?

– Мне нужно быстро сбегать по делам, а поскольку мы в центре города, много времени это не займет.

Через минуту Дэвид, нарушив правила парковки, остановил машину у бара Абнера.

– Ты был здесь когда-нибудь? – спросил он.

– О, конечно. Осталось немного баров, где я не бывал, Дэвид. Но уже много воды утекло.

– Вот тут я провел вчерашний день, и мне нужно оплатить счет.

– Почему ты не оплатил его вчера?

– Потому что даже свои карманы не мог найти, помнишь?

– Я подожду в машине. – Уолли бросил долгий томный взгляд на дверь Абнера.

Мисс Спенс восседала на своем троне с остекленевшими глазами, красными щеками, явно пребывая в другом мире. Абнер суетился в баре, смешивал напитки, наливал пиво, расставлял тарелки с гамбургерами. Дэвид поймал его у кассы:

– Эй, я вернулся!

Абнер улыбнулся:

– Так вы все-таки живы.

– О, конечно. Только что из суда. Мой счет недалеко?

Абнер порылся в ящике и вытащил чек.

– Скажем, он на сто тридцать баксов.

– Всего? – Дэвид протянул ему две стодолларовые банкноты. – Сдачу оставьте себе.

– Ваша девушка вон там, – сказал Абнер, кивнув в сторону мисс Спенс, которая на минуту закрыла глаза.

– Сегодня она не такая хорошенькая, – заметил Дэвид.

– У меня есть друг-финансист, он заходил прошлым вечером, говорит, она тянет на восемь миллиардов.

– Готов присмотреться к ней получше.

– Думаю, вы ей нравитесь, но вам лучше поторопиться.

– Лучше оставить ее в покое. Спасибо, что позаботились обо мне.

– Не за что. Возвращайтесь как-нибудь повидать меня.

«А вот это вряд ли», – подумал Дэвид, когда они обменялись быстрым рукопожатием.

Глава 11

Уолли, лишенный водительских прав, оказался искусным штурманом. Где-то рядом с аэропортом Мидуэй он несколько раз заставлял Дэвида поворачивать в короткие переулки, которые привели их в пару тупиков, а потом настоял, чтобы Дэвид проехал два квартала не в ту сторону. Его указания сопровождались непрерывным монологом, произнося который он несколько раз повторил: «Я знаю это место как свои пять пальцев». Они припарковались у бордюра возле покосившегося дуплекса с закрытыми фольгой окнами, жаровней для барбекю на крыльце и огромным рыжим котом, охранявшим вход.

– А кто здесь живет? – спросил Дэвид, оглядывая обветшалый район. Два тощих тинейджера на другой стороне улицы, казалось, застыли от восхищения при виде его блестящей «ауди».

– Здесь живет милая женщина по имени Айрис Клопек, вдова Перси Клопека, который умер во сне восемнадцать месяцев назад в возрасте сорока восьми лет. Очень грустная история. Они как-то раз приходили ко мне проконсультироваться насчет развода, а потом передумали. Насколько я помню, он был довольно полный, но не такой огромный, как она.

Двое юристов сидели в машине и разговаривали, словно им не хотелось выходить. Только пара агентов ФБР в черных костюмах и на черном седане могла бы привлечь больше внимания.

– Так зачем мы здесь? – спросил Дэвид.

– Крейокс, друг мой, крейокс. Я хочу поговорить с Айрис и узнать, не принимал ли Перси перед смертью это лекарство. Если да, то вуаля! У нас будет очередное дело по крейоксу, обещающее от двух до четырех миллионов долларов. Еще вопросы есть?

О, десятки вопросов. У Дэвида в голове пронеслось множество мыслей, когда он понял, что они собираются навязаться с визитом к миз Клопек и допросить ее об умершем супруге.

– А она нас ждет? – поинтересовался он.

– Я ей не звонил, а ты?

– Вообще-то нет.

Уолли распахнул дверцу и выбрался из машины. Дэвид неохотно последовал его примеру и метнул недовольный взгляд на тинейджеров, восхищавшихся его машиной. Рыжий кот не желал покидать коврик у двери. Звонок не работал, и Уолли стучал все громче и громче, пока Дэвид с опаской осматривался вокруг. Наконец послышался лязг цепочки, а потом скрипнула дверь.

– Кто там? – спросила женщина.

– Адвокат Уолли Фигг. Я ищу миз Айрис Клопек.

Дверь открылась, и в створках стеклянной наружной двери перед ними предстала сама Айрис. Она оказалась такой крупной, как ее описал Уолли, и на ней было нечто вроде бежевой простыни с дырками для головы и рук.

– Кто вы? – спросила она.

– Уолли Фигг, Айрис. Мы встречались с вами и Перси, когда вы подумывали о разводе. Вероятно, года три назад. Вы приезжали ко мне в офис на Престон-авеню.

– Перси умер, – произнесла она.

– Да, я знаю. Примите мои соболезнования. Вот поэтому я и здесь. Хочу поговорить о его смерти. Мне интересно, какие лекарства он принимал.

– Какое это имеет значение?

– Дело в том, что сейчас рассматривается много исков в связи с приемом лекарств для снижения холестерина, болеутоляющих и антидепрессантов. Некоторые лекарства убили уже тысячи людей. И речь идет о больших деньгах.

Айрис молча рассматривала их.

– Дом в ужасном состоянии, – наконец сказала она.

Ну надо же, подумал Дэвид. Они последовали за ней на узкую грязную кухню и сели за стол. Размешав растворимый кофе в трех разных кружках с символикой «Чикаго бейс»¹⁴, она села за стол напротив них. Дэвиду достался хлипкий деревянный стул, готовый, казалось, развалиться в любую секунду. Айрис сидела на таком же. Поход до двери и обратно на кухню вкупе с приготовлением кофе утомил ее. На ее лбу выступила испарина.

Наконец Уолли догадался представить Дэвида миз Клопек.

– Дэвид учился на юридическом факультете Гарварда и только что пришел в нашу фирму, – сказал Уолли.

Она не протянула ему руку, да и мистер Гарвард не проявил инициативы. Ей было совершенно все равно, в каком университете учились Дэвид и Уолли и на каком из факультетов. Она тяжело дышала. В помещении пахло застарелой кошачьей мочой и никотином.

Еще раз выразив фальшивые соболезнования в связи с кончиной бедного Перси, Уолли быстро перешел к делу:

– Главным образом меня интересует лекарство под названием крейокс – препарат, понижающий холестерин. Принимал ли его Перси перед смертью?

Без колебаний она ответила:

– Да, он принимал его много лет. Я тоже раньше его принимала, но потом бросила, – ответила Айрис.

Уолли воодушевился, услышав, что его принимал Перси, но испытал разочарование, узнав, что от него отказалась Айрис.

– С крейоксом что-то не так? – спросила она.

– О да, с ним все не так, – ответил Уолли, потеряв руки. И начал рассказывать о том, что обещало стать стремительным и весьма прибыльным делом против крейокса и «Веррик лабз». Он предъявлял самые выразительные факты и цифры из предварительного расследования, проведенного юристами по коллективным искам. Он сыпал цитатами из одностороннего искового заявления, поданного в Форт-Лодердейле. Он сумел убедить Айрис, что время имеет решающее значение, поэтому она должна немедленно нанять «Финли энд Фигг».

– Во сколько это мне обойдется? – спросила она.

– Это не будет стоить ни цента, – выпалил Уолли. – Мы возьмем судебные издержки на себя и заберем сорок процентов выигрыша.

На вкус кофе напоминал соленую воду. После очередного глотка Дэвиду захотелось плюнуть. Айрис же, судя по всему, смаковала напиток. Она отхлебывала кофе, потом перекачивала его в своем гигантском рту туда-сюда и лишь после этого глотала.

– Мне кажется, сорок процентов – это немало, – заметила она.

– Это очень сложный процесс, Айрис, против корпорации с миллиардами долларов и тысячей юристов. Взгляните на это так: прямо сейчас у вас есть шестьдесят процентов от ничего. Через год или два, если наймете нашу фирму, получите шестьдесят процентов от чего-то большого.

– Насколько большого?

– Сложный вопрос, Айрис, хотя я припоминаю, что вы обычно задаете сложные вопросы. Вот что мне всегда в вас нравилось. Сложный вопрос, на который я, если честно, не готов ответить, поскольку никто не может предугадать решение присяжных. Присяжные могут увидеть всю правду о крейоксе, разозлиться на «Веррик» и выдать вам миллион долларов. Или присяжные могут поверить лжи, которую сочинит «Веррик» и ее хитрые юристы, и вам ничего не достанется. Что касается меня, то я склоняюсь к тому, что можно выиграть около миллиона

¹⁴ Профессиональный футбольный клуб, выступающий в Национальной футбольной лиге.

долларов, Айрис. Но поймите: я ничего вам не обещаю. – Он обратился к Дэвиду: – Ведь правильно, Дэвид, мы не можем давать обещаний по таким делам? Нет никаких гарантий.

– Все правильно, – с авторитетным видом произнес Дэвид, новоиспеченный специалист по массовым гражданским искам.

Айрис еще раз прополоскала рот соленой водой и устала на Уолли.

– Мне быгодились кое-какие средства, – призналась она. – Мы с Клинтом остались вдвоем, но он в последнее время работает на полставки. – Уолли и Дэвид делали пометки и кивали, как будто точно знали, кто такой Клинт. Она не потрудилась просветить их. – Я живу на пособие в тысячу двести долларов в месяц, поэтому какие бы деньги вы ни выиграли, они мне пригодятся.

– Мы заработаем что-нибудь для вас, Айрис. Я в этом уверен.

– Когда это может произойти?

– Очередной сложный вопрос, Айрис. По одной версии «Веррик» придется настолько туго с делами по крейоксу, что компания сдастся и выплатит огромную компенсацию для заключения мирового соглашения. Многие юристы, я в том числе, ожидают, что это произойдет в течение следующих двадцати четырех месяцев. По другой версии «Веррик» доведет пару дел до суда, желая, так сказать, прощупать почву по стране и посмотреть, что присяжные думают об их лекарстве. Если это случится, нам потребуется больше времени на получение компенсации.

Даже Дэвид, имеющий ученую степень по праву и пятилетний опыт работы, начинал верить, что Уолли знает, о чем говорит. Младший партнер продолжал:

– Если удастся договориться о компенсации, а мы, конечно, считаем, что так и будет, в первую очередь будут обсуждаться случаи со смертельным исходом. Потом «Веррик» отчаянно возьмется за несмертельные случаи вроде вашего.

– Я – несмертельный случай? – смущенно спросила она.

– Пока – да. Результаты научных исследований еще не вполне ясны, но весьма высока вероятность того, что именно крейокс ослабил сердца многих людей, здоровых во всех других отношениях. – Как, глядя на Айрис, можно было думать, что она здорова, оставалось загадкой, по крайней мере для Дэвида.

– Спасибо! – сказала она, и ее глаза увлажнились. – Единственное, что мне нужно, – это очередная порция сердечных проблем.

– Не волнуйтесь об этом сейчас, – проговорил Уолли, даже не пытаясь ободрить ее. – Мы вернемся к вашему случаю позже. Самое важное – внести в список имя Перси. Вы его вдова и главная наследница. Поэтому вам следует нанять меня и действовать в качестве его представителя. – Из своего мятого пиджака он достал свернутый листок бумаги и положил его перед Айрис.

– Это контракт на оказание юридических услуг. Вы уже подписывали подобный договор раньше в связи с разводом, когда приходили ко мне в офис с Перси.

– Не помню, чтобы мы что-то подписывали.

– В нашем архиве договор есть. Вам нужно подписать новый, тогда я смогу подать ваш иск против «Веррик».

– А вы точно знаете, что это законно и все такое? – с сомнением спросила она.

Дэвида поразило, что потенциальный клиент спрашивает юриста, является ли документ «законным». Уолли же не был воплощением строгих этических стандартов. Ее вопрос не озадачил его.

– Все наши клиенты по делу о крейоксе это подписывают, – заметил Уолли, выдавая желаемое за действительное. Ведь Айрис должна была стать первой в своей категории, кто согласился бы это подписать. В пруду были и другие рыбы, но на самом деле такого контракта еще никто не подписывал.

Она прочитала и подписала его.

Сунув документ в карман, Уолли сказал:

– А теперь послушайте, Айрис. Мне нужно ваше содействие. Я хотел бы, чтобы вы помогли открыть другие дела по крейоксу. Друзья, члены семьи, соседи – все, кто мог пострадать от этого лекарства. Наша фирма выплачивает вознаграждение за привлечение в размере пятисот долларов за смертельный случай и двухсот – за несмертельный. Наличными.

Ее слезы тут же высохли. Глаза сузились, а углы рта изогнулись в едва заметной улыбке. Она уже думала о других.

Дэвиду удавалось сохранять вид серьезного юриста, пока он писал бесполезную чушь в своем блокноте и пытался переварить то, что услышал. Этично ли это? Законно ли? Подкуп для привлечения новых клиентов?

– Вам известно о других случаях смерти от крейокса? – спросил Уолли.

Айрис едва не сказала что-то, но сдержалась. Стало очевидно: кто-то был у нее на уме.

– Пятьсот долларов, верно? – произнесла она, переводя глаза с Дэвида на Уолли.

– Таковы условия сделки. Кто это?

– Есть один человек, живет в двух кварталах отсюда, раньше играл в покер с Перси, умер в душе через два месяца, после того как скончался мой Перси. Я точно знаю, что он сидел на крейоксе.

Глаза Уолли расширились.

– Как его зовут?

– Вы сказали «наличными», верно? Пятьсот наличными. Мне хотелось бы их увидеть, мистер Фигг, прежде чем я обеспечу вам еще одно дело. Мне эти деньги уж точно пригодятся.

Уолли застыл на секунду, но быстро оправился и выдал убедительную ложь:

– Что ж, как правило, мы берем деньги из счета фирмы, предназначенного для судебных разбирательств, так бухгалтерам легче работать, понимаете?

Она сложила свои столбообразные руки на груди, выпрямила спину, прищурилась и сказала:

– Ладно. Идите и снимите их со счета, а мне принесите наличные. И тогда я назову вам его имя.

Уолли потянулся за кошельком.

– Ну, я не уверен, что у меня с собой столько денег. Дэвид, а как у тебя с деньгами?

Дэвид инстинктивно потянулся за кошельком. Айрис с большим подозрением наблюдала за тем, как юристы пытаются наскрести нужную сумму. Уолли, достав три двадцатидолларовые банкноты и одну пятидолларовую, с надеждой посмотрел на Дэвида, который собрал двести двадцать долларов разными купюрами. Если бы они не остановились у Абнера оплатить счет, у них осталось бы еще пятнадцать долларов после оплаты гонорара Айрис за привлечение нового клиента.

– Я думала, у юристов полно денег, – заметила Айрис.

– Мы храним их в банке, – парировал Уолли, не желая уступать. – Похоже, у нас около двухсот восьмидесяти пяти долларов. Завтра я доведу остальное.

Айрис покачала головой.

– Да ладно вам, Айрис, – упрашивал Уолли. – Вы теперь наш клиент. Мы в одной команде. Мы рассчитываем на огромную компенсацию в один прекрасный день, а вы нам двести баксов не доверяете?

– Я возьму с вас расписку, – заявила она.

На этом этапе Дэвид предпочел бы проявить твердость, продемонстрировать хоть какую-то гордость, сгрести деньги со стола и попрощаться. Но Дэвид не был уверен в себе и знал, что сейчас не его очередь выступать. Уолли, напротив, вел себя весьма агрессивно. Он быстро

нацарапал долговую расписку в своем блокноте, указал имя, фамилию и толкнул ее через стол. Айрис медленно прочитала с явно недовольным видом, потом подала ее Дэвиду:

– Вы тоже подпишите.

Впервые с момента своего великого побега Дэвид Зинк усомнился в собственной мудрости. Приблизительно сорок восемь часов назад он работал над сложной схемой «переупаковки» высокорейтинговых облигаций, продаваемых правительством Индии. Общая сумма сделки составляла около пятнадцати миллиардов долларов. Теперь же, когда для него началась новая жизнь уличного юриста, он испугался женщины весом в четыреста фунтов, просившей его подписать бесполезную бумажку.

Он глубоко вдохнул и, бросив на Уолли недоуменный взгляд, расписался.

Обветшалый район принимал все более жуткий вид, по мере того как они углублялись в него. «Два квартала», упомянутые Айрис, оказались пятью, и когда наконец они нашли дом и припарковались около него, Дэвид забеспокоился, не опасно ли это.

Крошечная обитель вдовы Коузарт походила на крепость – маленький кирпичный дом на узком участке, огороженном восьмифутовым забором из цепей. По словам Айрис, Герб Коузарт воевал с черными тинейджерами-головорезами, которые бродили по улицам. Большую часть дня он сидел на крыльце с дробовиком в руках, высматривая панков и проклиная их, если они подбирались слишком близко. Когда Герб умер, кто-то привязал к забору праздничные шарики. А кто-то другой накидал хлопушек на их газон посреди ночи. По словам Айрис, миссис Коузарт собиралась переезжать.

Выключив зажигание, Дэвид бросил взгляд на улицу и пробормотал:

– О Боже!

Уолли посмотрел в том же направлении и сказал:

– Это может быть интересно.

Пятеро черных тинейджеров мужского пола, все в соответствующей рэперской экипировке, заметили сверкающую «ауди» и глазели на нее, стоя на расстоянии пятидесяти ярдов.

– Пожалуй, я останусь в машине, – заявил Дэвид. – Там ты и один справишься.

– Хорошая мысль. Я быстро. – Уолли выбрался из салона, прихватив портфель. Айрис уже предупредила знакомую, и миссис Коузарт стояла на крыльце.

Компания направлялась к «ауди». Дэвид запер двери и подумал, как мило было бы, если бы у него с собой оказался какой-нибудь пистолет просто для защиты. Что-то, что можно было бы показать мальчикам, чтобы они устроили себе развлечение в другом месте. Но, вооруженный лишь сотовым телефоном, он приложил его к уху и притворился, что увлеченно беседует, по мере того как шайка подходила все ближе и ближе. Они окружили машину, болтая без остановки, хотя Дэвид не мог понять, о чем они говорили. Шли минуты, и Дэвид ждал, когда кирпич разобьет лобовое стекло. Парни перегруппировались у переднего бампера и все пятеро расслабленно облокотились на него, как будто машина принадлежала им и они решили на ней отдохнуть. Они легонько покачивали ее, стараясь при этом не поцарапать и не испортить. Потом один из них зажег самокрутку с марихуаной, и они пустили ее по кругу.

Дэвид подумал, что стоит завести машину и попытаться уехать, но это привело бы к ряду проблем, и бедный Уолли остался бы один в затруднительном положении. Его посетила и другая мысль: опустить стекло и завязать с ребятами дружеский разговор, но вид их не располагал к этому.

Краем глаза Дэвид увидел, как входная дверь миссис Коузарт распахнулась и Уолли вылетел из дома. Потянувшись к портфелю, он выхватил оттуда огромный черный револьвер и завопил:

– ФБР! Отойдите от этой чертовой машины!

Потрясенные парни не могли пошевелиться, так что Уолли прицелился в облака и произвел выстрел, который прогремел, словно пальнули из пушки. Пятеро дернулись, кинулись врассыпную и исчезли.

Уолли спрятал револьвер в портфель и захлопнул дверь.

– Поехали отсюда, – сказал он.

Дэвид уже жал на газ.

– Панки, – прошипел Уолли.

– Ты всегда носишь с собой револьвер? – спросил Дэвид.

– У меня есть разрешение. Да, я всегда ношу с собой револьвер. В нашем деле он может пригодиться.

– И многие адвокаты носят пистолеты?

– Мне все равно, что делают многие адвокаты, ясно? И не моя работа – защищать многих адвокатов. В этом городе меня уже дважды ограбили, и я не допущу, чтобы это произошло еще раз.

Дэвид вписался в изгиб дороги и понесся вперед.

Уолли продолжил:

– Сумасшедшая дамочка хочет денег. Айрис, конечно, позвонила и сказала, что мы приедем, и, разумеется, сообщила миссис Коузарт о плате за привлечение нового клиента, но поскольку старушка не в себе, она усвоила только информацию о пяти сотнях баксов.

– Ты подписал с ней контракт?

– Нет. Она потребовала наличных и поступила весьма глупо, ведь Айрис знала, что забрала все наши деньги.

– И куда мы едем сейчас?

– К нам в офис. Она даже не сообщила мне имя супруга, так что, полагаю, нам придется провести небольшое расследование и выяснить все самим. Почему бы тебе не заняться этим, когда мы доберемся до офиса?

– Но он не наш клиент.

– Верно, к тому же он умер. А поскольку его жена сумасшедшая – я не шучу, говоря, что она не в себе, – мы можем добиться, чтобы назначенный судом администратор одобрил его иск. Не мытьем, так катаньем, Дэвид. Ты научишься.

– О, уже учусь. Разве не противозаконно стрелять в пределах города?

– Ну-ну, это ты в Гарварде усвоил? Да, это так, а еще противозаконно выпускать пулю, которая попадает в голову другому человеку. Это называется убийством и происходит в Чикаго по крайней мере два раза в день. И поскольку здесь так много убийств, полиция перегружена работой и у нее нет времени возиться с огнестрельным оружием, мирно палящим в небо. Ты думаешь меня сдать, или что?

– Нет. Мне просто любопытно. Оскар тоже носит с собой револьвер?

– Наверное, нет, но он хранит его в ящике стола. На Оскара как-то напал прямо в кабинете один взбешенный клиент, обратившийся за помощью при разводе. Это был обычный развод без обвинений, не подлежащий никакому оспариванию, но Оскар каким-то образом умудрился проиграть дело.

– Как можно проиграть развод, не подлежащий оспариванию?

– Не знаю, но не спрашивай Оскара, ладно? Это до сих пор для него большая тема. Так или иначе, он сообщил клиенту, что им придется подать иск заново и пройти весь процесс сначала, клиент взбесился и устроил Оскару взбучку.

– У Оскара такой вид, будто может за себя постоять. Похоже, это был плохой парень.

– Кто сказал, что это был парень?

– Неужели женщина?

– Ага. Очень большая и злобная женщина, но все же женщина. Она одержала над ним верх, швырнув в него кофейную чашку, керамическую, не бумажную, прямо между глаз. Потом схватила зонт Оскара и начала колотить его. Четырнадцать швов. Клиентку звали Велли Пеннибейкер, никогда ее не забуду.

– Кто положил этому конец?

– Рошель наконец добралась до кабинета. Оскар клянется, что на это у нее ушла целая вечность. Она оттащила от него Велли и успокоила ее. Потом позвонила копам, они уволокли Велли и обвинили ее в нападении с отягчающими обстоятельствами. Она подала встречный иск за некомпетентность. Потребовалось два года и около пяти тысяч баксов, чтобы все уладить. Теперь Оскар держит одну такую штуку у себя в столе.

Что бы об этом сказали в «Рогане Ротберге»? – задал себе вопрос Дэвид. Юристы, которые носят с собой оружие. Юристы, которые называют себя агентами ФБР и палят в воздух. Юристы, которых избивают до крови недовольные клиенты.

Он едва не спросил Уолли, подвергался ли и он нападению клиента, но придержал язык. Дэвид был почти уверен, что и так знает ответ.

Глава 12

Они вернулись в явно более безопасный офис к 16.30. Принтер выплевывал очередной лист бумаги. Рошель сидела за столом, сортируя и раскладывая стопки писем.

– Что ты сделал с Дианой Наксхолл? – спросила она Уолли.

– Скажем, ее развод отложили до тех пор, пока она не изыщет возможность расплатиться со своим адвокатом. А что?

– Она звонила три раза, вся в рыданиях и переживаниях. Хотела узнать, когда вы вернетесь. Жаждет увидеть вас.

– Отлично. Значит, она нашла деньги.

Уолли просматривал письма, которые вытащил из стопки на столе. Он протянул одно из них Дэвиду, тот взял его и начал читать. Его внимание сразу привлекло заглавие «Опасайтесь крейкса!».

– Начинаем подписывать, – произнес Уолли. – Я хочу, чтобы они ушли на почту сегодня днем. Часы тикают.

Письма, напечатанные на бланке «Финли энд Фигг», отправлялись от имени distinguished Уоллиса Т. Фигга, адвоката и поверенного в суде. После слов «Искренне ваш» оставалось место лишь для одной подписи.

– И что я должен делать? – спросил Дэвид.

– Расписаться за меня, – ответил Уолли.

– Не понял.

– Распишись за меня. Ты что, думаешь, я подпишу три тысячи писем?

– Значит, я должен подделать твою подпись?

– Нет, я уполномочиваю тебя расписаться на этих письмах, – ответил Уолли так, будто разговаривал с идиотом. Посмотрев на Рошель, он добавил: – И вас тоже.

– Я уже сотню подписала, – сообщила она, протягивая Дэвиду еще одно письмо. – Взгляните на эту подпись. Первокласник и то написал бы лучше.

И она была права. Подпись являла собой небрежную загогулину, которая начиналась с кудрявого завитка, вероятно, символизировавшего букву W, а затем резко переходила в острый шип, обозначающий либо T, либо F. Дэвид взял одно из писем, которые только что подписал Уолли, и сравнил его подпись с подделкой Рошель. В них прослеживалось некое сходство, но обе казались неразборчивыми и непонятными.

– Да, плоховато выглядит, – заметил Дэвид.

– Не важно, что вы там нацарапаете. Все равно никто ничего не сможет прочитать, – пояснила Рошель.

– Полагаю, у меня выдающаяся подпись, – сказал Уолли, с упоением подписывая письма. – Может, теперь займемся делом?

Дэвид сел и начал экспериментировать с каракулями. Рошель складывала письма, помещала их в конверты и наклеивала марки. Через пару минут Дэвид спросил:

– Кто эти люди?

– Они из нашей клиентской базы, – ответил Уолли с чрезвычайно важным видом. – Там более трех тысяч имен.

– И за какой период они собраны?

– Примерно за двадцать лет, – мгновенно отреагировала Рошель.

– Так о некоторых из этих парней ничего не слышно уже много лет, верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.